

Анатолий ГОРДИЕНКО

г. Петрозаводск

КУПРИЯНОВ И ЕГО ВРЕМЯ

(глава из книги)

Предлагаем вашему вниманию главу из рукописи книги «Куприянов и его время» известного писателя Анатолия Гордиенко. Рукопись являет собой подробную биографию Геннадия Николаевича Куприянова, первого секретаря ЦК компартии Карело-Финской ССР, члена Военного совета Карельского фронта, который с 1938 по 1950 год стоял во главе республики.

У этого незаурядного человека были промахи и достижения, взлеты и падения. В книге автор показывает ряд неизвестных фактов, рассказывает о судьбах многих людей в то непростое время.

Январь 1944 года принёс большую долгожданную радость. Войска Волховского и Ленинградских фронтов наконец-то сломали хребет немецкой группе армий «Центр», которая 900 дней и ночей держала Ленинград в смертельных клещах блокады. ЦК партии и Совнарком республики послали поздравление ленинградцам. Радостный Куприянов звонил Жданову, Кузнецову, пообещал прислать подарок от карельских тружеников леса. Вскоре из Беломорска в Ленинград через Обозерскую ушли несколько эшелонов пиломатериалов, дров.

Из Москвы пришла телеграмма: 28 января в Кремле откроется 10-я сессия Верховного Совета СССР. Куприянова вызвали раньше, за день до открытия сессии, на пленум ЦК партии.

Утром 27-го он был приглашён на совет старейшин Верховного Совета. Затем поехал к Микояну, решил ряд вопросов о снабжении фронта продовольствием. Обедал у главного маршала авиации Новикова, от него отправился в ЦК партии, там встречался с нужными людьми, продвигал наградные списки.

На Куприянове была новая генеральская форма — китель, галифе с красными лампасами, на поясе — кобура с пистолетом. Шла война, и никто на этот пистолет не обращал внимание. Все командиры носили, ибо так было положено. Но вечером, когда он пришёл в Кремль на пленум ЦК партии, полковник КГБ властно сказал:

— Пистолет ваш оставьте в гардеробе.

Куприянов вспылал, сказал, что он с фронта, идёт война, на нём генеральские погоны, он член Военного совета фронта.

— Немедленно оставьте пистолет в гардеробе, — повторил, сверля его глазами, полковник госбезопасности.

Подходили к гардеробу другие генералы, недоумевали, перешёптывались:

— У самих — оружие. Им доверяют. А нам, членам ЦК, уже нет доверия.

Военных на пленуме было много: Жуков, Хрулев, Новиков, Пономаренко. Хрущёв появился тоже в военной форме. И все без личного оружия — сдали в гардеробе.

Настроение испортилось, и то, что говорил в докладе Маленков, плохо воспринималось на слух. Но главное Куприянов уловил: отныне областные и республиканские парторганизации вопросы народного хозяйства и обороны должны решать с одобрения Центра. Для контроля будут посланы уполномоченные, не подчиняющиеся, естественно, местному руководству. Появятся уполномоченные Комиссии партийного контроля, Госплана СССР, наркомата заготовок, статистического управления.

«И всем им надо дать квартиры, выделить спецпайки, легковые автомашины», — думал Куприянов.

Органы НКВД-КГБ, прокуратуры, управления железных дорог и водного транспорта будут номинально подчиняться местным властям, а реально — Москве. ЦК партии союзных республик, обкомы должны снимать и назначать секретарей горкомов и райкомов по согласованию с ЦК ВКП(б).

Но самым неожиданным оказалось решение создать в союзных республиках наркоматы обороны и иностранных дел. Куприянов, как и все, голосовал за это предложение, но сразу никак не мог сообразить, чем будут заниматься эти новые наркоматы.

На пленуме вывели из состава ЦК ВКП(б) бодрого старичка Бадаева. Накануне он был снят с должности Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. Алексей Егорович Бадаев — старый большевик, участник революции 1905 года, депутат 4-й Государственной Думы, сидел в царской тюрьме.

Маленков изложил причину. Бадаева послали на юбилейные торжества в Монголию, он там напился, вёл себя крайне непристойно. Все промолчали, хотя многие знали, что Бадаев не относился к любителям выпить и покурлесить, тем более монголы — трезвенники.

...На сессии Верховного Совета говорили о

том, что война идёт к развязке. Победой под Курском и Орлом завершился коренной перелом в ходе войны. Красная Армия громит немецкие полчища, гонит на запад. Недалёк день полного изгнания захватчиков из пределов Советского Союза. Видя приближение своей гибели, немецко-фашистские захватчики сопротивляются с яростью обречённых.

Под гнётом жестокого врага ещё томятся народы Эстонской, Латвийской, Литовской и Карело-Финской республик. Но близок день освобождения.

По предложению Маленкова было решено старый государственный гимн «Интернационал» сменить на новый, отвечающий сегодняшнему дню. Призывая депутатов проголосовать за это предложение, он сообщил, что товарищ Сталин одобряет и слова, и музыку современного гимна. Сталин, сидевший молчаливо в президиуме, еле заметно кивнул головой.

Сессия завершилась 1 февраля. Депутаты Кусинен, Прокконен, Соляков, Сюкияйнен, Сорокин и Куприянов возвращались в Беломорск в одном вагоне единой дружной семьёй.

Передохнув, все отбыли в войска и на предприятия с докладами о минувшей сессии Верховного Совета. Куприянов побывал в 289-й, 367-й и 313-й дивизиях. Выступал в армейских неказистых клубах, которые год назад возвели бойцы стройбата. Набивалось в них по 500-800 человек. Красноармейцы задавали много вопросов. Чаще всего спрашивали: «Когда начнём наступать?»

...После снятия блокады Ленинграда Волховский фронт прекратил существование, большая часть его войск была передана Ленинградскому фронту.

В середине февраля Фролов зашёл к Куприянову и сообщил новость: Мерецкова, командовавшего Волховским фронтом, срочно вызвали в Ставку к Сталину.

— Думаю, поехал за новым назначением, — сказал Валериан Александрович. — Не так давно Кирилл звонил мне, сообщил, что будет проситься в гущу боёв, на Берлинское направление.

По этому поводу Куприянов высказал свою точку зрения. Дескать, у Мерецкова не было больших удач ни в финскую, ни за все три года обороны Ленинграда. И вот теперь Мерецков, напуганный арестом и пытками в тюрьме,

где он провёл с 23 июня по 5 сентября 1941 года, стремится изо всех сил доказать Сталину свою преданность, умение командовать войсками, продемонстрировать свой полководческий талант.

Фролов и Куприянов ждали вестей из столицы. Валериан Александрович даже позвонил своим друзьям в Генштаб, но они ничего определённого сказать не могли. Прошло два дня, и вдруг Генштаб сообщил Фролову — генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков назначается командующим Карельским фронтом, а он, Фролов, становится его заместителем. Членом Военного совета будет верный соратник Мерецкова, бывший второй секретарь Ленинградского обкома партии, член Военного совета Волховского фронта, генерал-лейтенант Штыков Терентий Фомич.

Такое решение Ставки оказалось неожиданным для многих и, в первую очередь, для Фролова, Куприянова, Сквирского. Более того, оно для них было обидным — ведь они со своими войсками вынесли все тяготы отступления, жестоких оборонительных боёв, остановили противника, отстояли Кировскую железную дорогу у Масельгской, не дали немцам захватить Мурманск.

За три года войны руководство Карельского фронта, командующие общевойсковыми армиями, штабные работники досконально знали, где находятся не только дивизии, но и полки, отдельные батальоны, хорошо знали их командный состав, знали возможности этих частей, десятки раз бывали в их расположении. Штабы тщательно изучили оборону противостоящих финских и немецких войск. И вдруг — смена командования. Все понимали: Мерецков приедет не один, а со свитой, с соратниками, с которыми он сработался на Волховском фронте.

21 февраля 1944 года командование фронтом принял Мерецков. Прямо из Москвы он и Штыков прибыли в Беломорск. Фролов и Куприянов встречали их у вагона. Вид у гостей был бодрый, хотя оба похудели за годы войны. Куприянов знал хорошо обоих: Штыкова — по партийной работе в Ленинграде; с Мерецковым познакомился и даже, как ему казалось, подружился в 1939-40-х годах.

Когда сели в машину, Мерецков принялся как

бы оправдываться, повторил несколько раз, что просился на другое направление.

— Но Сталин сказал, что я знаю Карелию с финской войны, имею опыт наступательных боёв на Волховском фронте. Сказал, как припечатал. Фролов пойдёт заместителем, Куприянов останется так же членом Военного совета фронта. Сталин тебе ведь звонил, Геннадий Николаевич? Я понял, что у вас был разговор.

Куприянов промолчал, сделав вид, что из-за шума мотора не расслышал последних слов, так как ответить Мерецкову, что Сталин с ним и Фроловым не советовался, не поставил в известность о своём решении, никак не хотелось.

Затем Кирилл Афанасьевич принялся вспоминать, как они познакомились с Куприяновым в марте 1939 года, когда он командовал Ленинградским военным округом, как ездили вдоль границы, проверяя ход строительства оборонительных укреплений. Побывали во всех дивизиях в канун войны с Финляндией. Куприянов понял — этими воспоминаниями Мерецков хотел напомнить о давних отношениях, сгладить неловкость по поводу его неожиданного назначения.

В кабинете Фролова, когда сняли шинели, Куприянов увидел, как изменился Мерецков, увидел близко впервые после сентября 41-го года, когда его неожиданно выпустили из тюрьмы. Неожиданно потому, что из тюрьмы, как правило, уже не выпускали, тем более что кое-где в войсках Мерецкова открыто начали называть «врагом народа».

А ведь всё было так безоблачно! Военный советник в Испании; в 1940-м Мерецкову за финскую войну присвоили звание Героя Советского Союза, избрали депутатом Верховного Совета СССР от Карело-Финской ССР. И вдруг — «враг народа». Почему Сталин освободил его? Расстреляли же 28 октября 1941 года Григория Михайловича Штерна, начальника управления Военно-воздушных сил Красной Армии Павла Ивановича Рычагова. Расстреляли не в 37-м или в 38-м, а осенью 1941-го, когда немцы рвались к Москве, когда так нужны были опытные, толковые командиры.

К аресту Мерецкова Куприянов отнёсся без большого сожаления. Он записал в своей походной тетради:

«За ошибки в финской войне Мерецков несёт куда большую ответственность, чем другие военачальники. Он командовал ЛенВО, он должен был знать театр будущей войны. У него были шапкозакидательские настроения. Он заявлял: «За 6 дней разобьём финскую армию. На 7-й мой штаб будет в Хельсинки».

И всё же я его ценил. Для меня были три авторитета: Фролов, Мерецков и Гореленко. О сидении в тюрьмах он мне никогда не рассказывал. Думаю, что Сталин не любил его, следил за ним через своих людей, и прежде всего — через Штыкова».

Мерецков и Штыков сообщили решение Ставки: Карельскому фронту надлежит за летне-осеннюю кампанию 1944 года освободить Карело-Финскую республику от оккупантов и очистить Кольский полуостров от немецких войск.

— Нашему Карельскому фронту обещана помощь, — сообщил Штыков. — Товарищ Сталин согласился с тем, что мы возьмём с Волховского фронта несколько командиров, имеющих опыт наступательных операций.

Через несколько дней в Беломорск прибыли работники почти всех управлений Волховского фронта. Куприянов и Фролов видели, как всё пошло кувырком, и ничего не могли поделать. Мерецков, подбиваемый Штыковым, решил сменить многих начальников управлений, заменить «карельских», которые сидели, по его мнению, в обороне три года, на «волховских», которые одержали победу под Ленинградом. Хотя все знали, что «волховские» тоже сидели три года без видимых результатов. Заменили начальника управления инженерных войск Невского, начальника тыла Михайлова, начальника санитарного управления Клюсса. Куприянов спорил, отстаивал, но его не слушали.

Мерецков, Штыков и Куприянов долго обсуждали вопрос о начальнике политуправления фронта. Куприянов дал весьма лестную характеристику Румянцеву — знает войска, умён, энергичен, хороший оратор, не имеет никаких ошибок по идейно-политической линии. Мерецков молчал, мялся и, сославшись на срочные дела, ушёл.

— Я тебе верю, Геннадий Николаевич, и ничего не имею против Румянцева, — сказал Штыков.

— Но Щербаков мне посоветовал взять Калашникова. Отложим решение до завтра.

На следующий день Штыков сообщил о разговоре с начальником Главного политического управления Красной Армии Щербаковым.

— Знаешь, Геннадий Николаевич, всё же придётся нам назначить Калашникова. Признаюсь, он мне не нравится. Но Щербаков настаивает. Оказывается, этот Калашников — свояк Щербакова, женат на его сестре; родня, выходит. Конечно, для нас с тобой есть выгода: со стороны ГлавПУра нам обеспечена защита, будем иметь мощное прикрытие. Щербаков — фигура первой величины, кандидат в члены Политбюро.

Вечером Штыков пришёл в гости к Куприянову. За ужином говорили о Ленинграде. Вера Васильевна вспомнила 22 июня 41-го года, когда намеревались ехать на маёвку за город и в компанию пригласили семью Терентия Фомича Штыкова.

Идя в гости, Штыков нарочито надел новый китель. На нём сверкали ордена Ленина, Красного Знамени, на правой стороне — красивые, несколько непривычные редкие ордена Кутузова и Суворова. Витя с неподдельным интересом разглядывал эти награды, которыми награждали полководцев.

Терентий Фомич отказался от водки, гордо сообщив, что он не пьёт и не курит и другим не советует. Пил принесённую с собой сладкую мадеру и говорил, говорил не переставая, наблюдая, как его слушает Геннадий Николаевич. Рассказы его сводились к одной теме: «Я был много раз у товарища Сталина», «Мне товарищ Сталин сказал», «Товарищ Сталин пригласил меня отобедать с ним», «Я обедал у товарища Сталина на даче», «За обедом мы были только вдвоём», «Товарищ Сталин внимательно слушал мою информацию», «Товарищ Сталин отказал, но, подумав, согласился».

Уже за чаем, когда Вера Васильевна ушла спать, Терентий Фомич сообщил по-дружески:

— В декабре 42-го вызвал меня товарищ Сталин и говорит: «Не нравится мне это сочетание: Мерецков — Мехлис. Оба обижены. Чёрт знает что говорят между собой».

Вы, товарищ Штыков, хорошо знаете Мерецкова по Ленинграду, по финской войне. Поез-

жайте к Мерецкову на Волховский фронт членом Военного совета. Поглядывайте за Мерецковым, сообщайте мне обо всём — о его поведении, о разговорах».

Мехлиса ведь на Волховский фронт отправил Сталин как бы в ссылку, снял его с ГлавПУра. Потом послали его на Брянский фронт. А с Кириллом мы сошлись, сработались. Меня слушается во всём. Напугала его тюрьма. Вообще-то, он командир толковый, но панически боится поражений, даже малых. Давай так — я по-прежнему буду рядом с ним, опекать его, а ты занимайся партизанами, подпольщиками, своими партийными делами, промышленностью, сельским хозяйством.

Надеюсь, тебя не надо предупреждать, что весь этот разговор останется между нами, между комиссарами. Мы — глаза и уши партии. Тяжёлая ноша легла на наши плечи — боевые приказы мы тоже подписываем, имея право решающего голоса. А для этого мы должны знать всё и вся.

...Фролов и Куприянов вводили новое руководство во все дела. Те изучали карты, документы. Затем стали выезжать в войска. Мерецков и Штыков не смогли скрыть свое удовлетворение от увиденного. Оборонительные сооружения построены разумно, в землянках чисто, тепло, сухо, отличная кормёжка, ежедневно баня, форма на красноармейцах чистая, все пострижены и выбриты. В штабах — отличное знание обстановки благодаря разведке, порядок и дисциплина и на переднем крае, и на командном пункте полка, батальона. Порадовал боевой дух, бойцы то и дело обращались к Куприянову, которого привыкли видеть: «Товарищ член Военного совета, когда начнётся? Руки чешутся! Ждём приказа!»

Вскоре Мерецков выехал на Север. Сперва остановился в Кандалакше: именно здесь ему виделось нанесение главного удара по немецким войскам — вклиниться между немцами и финнами, разрезать вражескую оборону пополам. После Кандалакши прибыл в Мурманск. Побывал в войсках 14-й армии, которой успешно командовал Щербаков, встретился с командующим Северным флотом Головкин.

Вернувшись в Беломорск, Мерецков сразу же отбыл в 32-ю армию к Гореленко.

Результаты поездок новый командующий

фронтом подвёл на заседании Военного совета — в войсках порядок, дивизии имеют почти полный списочный состав, настроение у рядовых красноармейцев и командиров бодрое, боевое. Но всё же все весенне-летние дни следует отдать усиленной учёбе, не жалеть бойцов, трудиться до пота, использовать светлое время суток для тренировок, для сборов, учебных стрельб, преодоления водных рубежей.

Фролов и Куприянов порадовались такой оценке. А вот то, что происходило в Беломорске, огорчало. Штаб фронта напоминал развороченный муравейник. Около сотни старших офицеров, занимавших штабные и командные должности, уезжали в резерв наркомата обороны. Между теми, кто приехал, и теми, кто остался, шли постоянные трения.

Куприянов записал в свою тетрадь горькие строки: «Генералы и офицеры, приехавшие с Волховского фронта, пытались грубо оплевать, облить грязью всё, что делалось до их приезда. Распространение получила пошлая и циничная фраза: «Не воюют во всём мире только Парагвай, Уругвай и Карельский фронт».

Новый начальник артиллерийского управления Г.Е. Дегтярёв просто смешал с грязью бывшего начальника артуправления П.Н. Яскина и подготовил такой приказ Военного совета фронта, из которого можно было понять, что вся артиллерия фронта за всю войну ничего не делала, что все наши артиллеристы — безграмотные люди. Я отказался подписывать такой приказ, и он был подписан только Мерецковым и Штыковым.

Штыков любил покопаться в личной жизни любого, собирая и запоминая всё-всё: кто, где и с кем выпивал, что говорили в пьяном виде. Как о большой своей заслуге рассказывал, как на Волховском фронте «разоблачил» одного командира, который вместе с подчинёнными устроил пьянку, на которую пригласил медсестёр медсанбата.

Однажды Штыков преподнёс и мне пилюлю. Путём «глубокого» анализа и документальной проверки он установил, сколько было выпито водки в столовой Военного совета за последние три месяца до их приезда в Беломорск. Как оказалось, он засчитал сюда водку, выделяемую роте охраны штаба. Если к 18 че-

ловекам, которые питались в столовой, приписать ещё водку, выделенную роте, то получилось, что всё начальство только и делало, что пило водку.

Между тем за всю войну я не видел пьяным ни одного нашего офицера.

Штыков очень любил говорить о себе, о том, что он трезвенник и за всю войну ни разу не изменил жене. Валериан Александрович Фролов сказал как-то Штыкову, что его уже давно надо причислить к лику святых, написать икону и повесить в красном углу столовой, чтобы все перед едой поглядывали бы на образ святого Терентия и учились у него жить и работать.

Мерецков добродушно смотрел на действия Штыкова, не мешал ему заниматься «анализами и исследованиями». Штыков зло высмеивал офицеров на совещаниях. Они не могли ему возразить».

...Мерецков продолжал дотошно изучать обстановку. Вёл себя тактично, умел убеждать. Но однажды выразил явное неудовольствие: много красноармейцев занято на ремонте дорог, на строительстве мостов в тылу.

— Эти мосты не нужны войскам, — сказал он Фролову и Куприянову. Штыков сразу же цепился к этим словам и при очередной информации в Генштаб о делах фронта доложил, что Куприянов держал несколько полков на строительстве дорог и мостов, необходимых ему для нужд республики.

Это не соответствовало истине. Стрелковые части строили только свои укрепления, а вот дорожные и мостовые батальоны Куприянов действительно заставил ремонтировать дороги, возводить деревянные мосты, кстати, вскоре пригодившиеся и войскам.

Геннадий Николаевич отметил у Мерецкова ещё одну черту — подозрительность и уязвлённое самолюбие.

Новому комфронтом казалось, что кое-кто хочет умалить его роль, унижить его звание. Однажды привычное спокойствие, рассудительность покинули его, и он последними словами отругал Диму Макеева, шофёра Куприянова, который поехал первым по лесной дороге в штаб 19-й армии, поехал первым потому, что хорошо знал дорогу.

— Если ты, мерзавец, ещё раз сунешься пере-

до мной и поедешь впереди моей машины, я отправлю тебя в штрафную роту!

Дима, сугубо штатский человек, шофёр гаража ЦК партии республики, не знал тонкостей генеральской этики, не знал, что машина начальника должна всегда ехать впереди. Куприянов вступился за Макеева. Мерецков с обидой в голосе объяснил:

— Это не мне нужно. Это необходимо, когда мы приезжаем вместе в полк, в штаб. У моих подчинённых может сложиться впечатление, что фронтом командует не Мерецков, а Куприянов.

Геннадий Николаевич пообещал больше не нарушать субординацию.

Со Штыковым разногласия всё чаще принимали резкую форму. В первых числах мая возвращался из гостей Павел Степанович Прокконен. Шёл он после полуночи к себе домой под хмельком, шёл по привычной дороге мимо здания, где размещался штаб фронта. Его остановили двое часовых. С приездом Мерецкова в Беломорск рота охраны получила нагоняй за отсутствие особой бдительности. Прокконена привели к оперативному дежурному охраны штаба, ему он предъявил документы и сказал несколько нелицеприятных слов в адрес часовых и самого дежурного. Тот обозлился и позвонил Мерецкову, разбудил его. Прокконен и Мерецкову сказал, что он не какой-нибудь враг народа, а Председатель Совета народных комиссаров Карело-Финской ССР и депутат Верховного Совета страны. Мерецков приказал оперативному дежурному опустить Прокконена и написать об инциденте рапорт.

Утром Мерецков позвонил Куприянову и попросил его зайти. В кабинете сидел Штыков, переписывая в свой блокнот строчки из рапорта. Куприянов взял рукописный лист, прочитал: «Шёл пьяный, ругался, доказывал, что всегда тут ходил и будет ходить».

— Если бы Фролову подали такую цедулку, он бы тут же выбросил её в мусорную корзину, — вступил в разговор Куприянов. — Прокконен шёл с банкета, да, выпил, но не в рабочее же время. Шёл там, где всегда ходил. Оскорбил дежурного, но я этому не верю. Свидетелей у вас нет. Дежурный обозлился и написал всякую муть.

Штыков принялся вслух читать рапорт, смаковать отдельные места и предложил Куприя-

нову собрать бюро ЦК и обсудить поведение председателя Совнаркома.

— Пока я секретарь ЦК, — отчеканил Куприянов, — я никому не позволю совать чужой нос в дела ЦК нашей компартии и в советах Штыкова не нуждаюсь. Решать тут нечего. Если у вас есть время и нет более важных дел, сидите вот здесь в уютном кабинете и обсуждайте, смакуйте этот факт сколько угодно. Я не вижу здесь предмета для разговора.

Куприянов вышел, хлопнув дверью. Штыков доложил Маленкову, дело пошло в парткомиссию. Но там тоже не сочли нужным обсуждать столь мелкий вопрос.

Мерецков старался чаще встречаться с командующими армиями, командирами дивизий, определил график и план учений, старался на всех присутствовать, при подведении итогов учений внимательно выслушивал мнение командиров, штабных работников, повторял, что наступление будет вестись не только по дорогам, которых крайне мало, а в основном по бездорожью, в обход болот, озёр, с форсированием рек.

Куприянов усиленно занимался подготовкой к весенне-полевым работам, проводил плановые заседания бюро ЦК партии, присутствовал на совещаниях в Совнаркоме. Майское ЧП ещё больше сдружило Прокконена с Куприяновым. Там, в Совнаркоме, Прокконен прочитал ему срочную телеграмму о налёте вражеской авиации на село Песчаное в Пудожском районе. Убито и ранено 20 колхозников, разрушены маслозавод, 18 изб. Было решено немедленно послать комиссию и составить акт о зверском налёте, который вместе с другими актами со временем будет представлен международному суду.

Закончилась зима — благодатная пора для лесозаготовок, для вывозки древесины с делянок. Во время весенней распутицы в Беломорске провели награждение лучших вальщиков, сучкорубов, возчиков грамотами Президиума Верховного Совета КФССР. Куусинен отмечал, что у девушек рукопожатие крепче, нежели у парней, а парням-то было меньше семнадцати годков.

...В Финляндии поняли, что готовится большое наступление. Соединённые Штаты Америки подталкивали финнов к переговорам с Советским Союзом. Но переговоры ни к чему не привели: правительство Финляндии отка-

залось разорвать отношения с Германией, убрать немецкие войска, стоявшие вдоль северной границы.

Подготовка войск Карельского фронта вступила в завершающую фазу. 30 мая в Москву вызвали Мерецкова. Заседание Ставки вёл Сталин. Было решено: наступление начнёт Ленинградский фронт на Выборгском направлении, затем войска Карельского фронта переправятся через Свирь. 7-я армия приступит к освобождению южной Карелии, а 32-я армия двинется на Медвежьегорск. Мерецков просил подкрепление, но получил лишь половину того, что запрашивал. Вместе с Мерецковым поехал в Москву и Штыков. Фролов и Куприянов вызова не получили. Валериан Александрович отнёсся к этому с юмором: «С нашей ли рожей в собор к обедне?», а Куприянова грызло чувство обиды — ведь они с Фроловым знают каждый узел обороны, знают слабые места противника, имеют свои соображения, где какой наносить удар.

К весне в партизанском движении наметился какой-то спад, не стало былого порыва, энтузиазма. Многие объясняли это так: скоро начнётся большое наступление, с которым не может сравниться ни один партизанский рейд.

Куприянов и Вершинин решили встряхнуть партизан, указать на недопустимость такого положения.

1 июня 1944 года собрали совещание командиров и комиссаров всех партизанских отрядов. Доклад «Об итогах боевых действий партизанских отрядов за период с декабря 1943 по апрель 1944 годов» подготовил начальник штаба партизанского движения Карельского фронта Сергей Яковлевич Вершинин.

Отметив коротко успехи партизан, которые стали мощной силой и нанесли ряд чувствительных ударов противнику, Вершинин доложил: летом 1943 года отряды были подготовлены лучше, имели значительный опыт партизанской войны. Продовольствие, обмундирование и вооружение поступало своевременно. Если в 42-м году в отрядах имелось 155 автоматов, то в 43-м их уже было 720, по 35-70 на отряд. Увеличилось количество ручных пулемётов — зимой было по 5-10 «дегтярёвых» на отряд, а это совсем немало. В 42-м числилось всего 6 радиостанций, а уже летом 43-го они имелись в каждом отряде.

Вершинин стоял за столом, высокий, с густой копной непокорных волос, в чистой выглаженной комсоставской гимнастёрке, твёрдо держа в руке листы доклада.

— Перед тем как перейти к положению дел в каждом отряде, — сказал Вершинин, — я напомню задачи, которые поставили секретарь ЦК партии республики генерал-майор товарищ Куприянов и я на совещании командиров и комиссаров в прошлом году:

1. Повседневно заниматься разведкой. Знать планы противника, чтобы наносить дерзкие удары по его гарнизонам.
2. Овладеть тактикой партизанской борьбы. Быть вожаком партизан.
3. Передавать опыт.
4. Поднять боевую активность отрядов. Больше времени находиться в тылу противника. Прекратить практику выхода на базу с мотивировками: измотанность личного состава, отсутствие продовольствия, преследование противником.
5. Захватывать пленных, прекратить нежелание доставлять их в свой тыл.
6. Беречь людей. Все операции проводить с наименьшими потерями.
7. Беречь радиостанции.
8. Установить твёрдую дисциплину. Приказ командира — закон. Невыполнение приказа рассматривать как предательство.
9. Проводить массово-политическую работу.
10. Не зазнаваться, не успокаивать себя достигнутыми успехами.

Таковы были наши указания с товарищем Куприяновым. Большинство командиров выполняло их, но не так, как бы хотелось. В мае 43-го многие командиры и комиссары утверждали: противник усилил охрану флангов, незаметный проход отряда стал невозможным. Это не так. Из 17 отрядов, вышедших в июле 43-го на выполнение боевой задачи, в тыл незамеченными прошли 13. Не прошли в тыл врага партизанские отряды: «Красное знамя», «Буревестник», «Мстители», «За Родину».

Двенадцать отрядов из этих тринадцати вышли на территорию Финляндии. Жестокие удары нанесли: «Большевик Заполярья», «Боевой клич», «Боевые друзья», «Красный пар-

тизан», «Советский Мурман», «Красный онежец», «Комсомолец Карелии». Среди финского населения началась паника. Финны принялись эвакуировать население в срочном порядке. Это напоминало бегство. Бросали скот, прекращали сеноуборку. Бросали дома, бросали всё, чтобы уйти подальше от партизан. Был нанесён ущерб сельскому хозяйству, подорван моральный дух населения. Приведу несколько писем финских солдат.

Письмо капрала Исола: «Русские применяют зверские способы борьбы. Одна женщина-зверь из автомата убила в одном доме 12 наших солдат, 3-х ранила. Эти женщины одеты в мужские костюмы. В групповых стычках дерутся отчаянно».

Солдат Мойлонен пишет сестре:

«Русские не дают нам покоя. Часто партизанят в нашем тылу, и нам приходится много ходить из-за них по лесам. Леса полны партизан, они даже доходят до Финляндии».

Капрал Лейнонен пишет солдату Хяркинену:

«Русские — большие прохвосты. Они уже приходят в Финляндию, убивают мирное население. Последние две недели мы были в тревоге. «Иваны» находятся в движении, нам приходится гоняться за ними. Финская армия ни к чёрту не годится, не способна защитить мирное население. «Иваны» хозяйничают на нашей территории».

Солдат Хейккинен пишет брату:

«Уже две недели мы в движении из-за красных партизан. Мы целыми сутками на ногах, но никак не можем их поймать и отомстить за то, что они нам наделали...»

Письмо капрала Лейнонена сестре:

«У нас теперь очень беспокойные дни — русские всё время партизанят. Скоро отпуск, но не хочется ехать, там в тылу можно скорее попасть в руки русских. Из Суомуссалми население эвакуируется. Хорошо, если бы и ты уехала подальше в тыл...»

Прочитав ещё несколько писем, взятых у пленных и убитых, Вершинин привёл общую сводку боевой деятельности партизанских отрядов по годам. Самым «урожайным» оказалось лето 1942-го года. Разгромлено 9 гарнизонов, пущено под откос 7 поездов, уничтожено 2235 солдат и офицеров, в плен взято 7 человек. Зимой 1942-43 годов — уничтожено 4 гарнизона, пущено под откос 2 поезда, уничтожено 934 солдат и офицеров,

в плен взято 2 финских солдата. Летом 1943 года уничтожено 13 гарнизонов, 7 поездов, 1400 солдат и офицеров, пленных — 9.

— Однако итоги походов зимой 1943-44 годов не принесли ожидаемых результатов, — сказал резко Вершинин и приступил к подробному анализу боевых действий каждого отряда. Досталось не только малоопытным, но и знаменитым командирам.

— Отряд «Большевик Заполярья» сформирован 7 июля 1942 года в Мурманске. Сделал за эту зиму всего два выхода в тыл, за которые не причинил ущерба врагу. Видимо, командир Смирнов и комиссар Селезнёв самоуспокоились на успехах лета 43-го года, действовали безынициативно, нерешительно, а порой просто избегали встречи с противником.

Отряд «Советский Мурман» сформирован 7 июля 1942 года в Мурманске. Не закрепил успехи лета 43-го года. Проходил зиму 43-44 годов впустую. Был в тылу у финнов 2 раза и ничего не сделал. При малейшей угрозе обнаружения отходил на базу.

Отряд «Поляник» сформирован 19 февраля 1942 года в Архангельске. Операцию крушения поезда не довёл до конца. Живая сила и уцелевшие вагоны не уничтожались. Пленные не захвачены. Командир взвода Тетерин пристрелил раненого партизана, хотя обстановка этого не требовала.

Отряд «Большевик» сформирован 21 августа 1942 года в Архангельске. Только одна успешная операция за лето. Остальные выходы были без результата. Бывший командир отряда, имея боевой опыт боевых операций, не передавал опыт, отсиживался на командном пункте и действиями высылаемых групп не руководил. Слабая дисциплина. Имели случаи сна на посту, пререкания и даже бегства с поля боя, отсутствие товарищеской выручки в бою (группа Шишко и Третьякова). Новый командир отряда Калашников добился устранения большинства недостатков, воюет смело, решительно. Пример тому — взвод Пономарёва вёл бой в окружении двое суток с превосходящими силами противника, нанёс ему урон при незначительных потерях со своей стороны — двое убито, четверо — ранено.

Партизанский отряд «Сталинец» сформирован 21 августа 1942 года в Архангельске. Самоустра-

нение командира, комиссара и начальника штаба от непосредственного руководства группами, отсиживались на КП вдали от групп. Слабая дисциплина. Случаи сна на посту, невыполнения приказа. Гибель командира отряда Сысуева не была вызвана необходимостью. Сысуев вырвался вперёд, а его никто не поддержал.

Отряд «Мстители» сформирован 1 декабря 1941 года в Пудуже. Сумел захватить пленных 8 человек. Командир отряда Николаев оставил отряд в лесу и сам пошёл конвоировать пленных, тогда как надо было сразу допросить пленных, воспользоваться их показаниями и немедленно громить гарнизон.

Отряд «Боевые друзья» сформирован 8 августа 1941 года в Медвежьегорском районе. Выполнил оба приказа штаба партизанского движения, нанёс противнику ущерб в живой силе и технике. Действовали решительно, быстро на железной дороге. Но неумело делали засады. Имелись случаи оставления оружия с убитыми партизанами. Зиму закончили плохо — уничтожили всего 5 вражеских солдат.

Отряд «Красный партизан» сформирован 8 августа 1941 года в Кеми. В летнем походе — хорошие результаты. Занял одно из первых мест среди партизанских отрядов Карельского фронта. Командир Журих действовал решительно, наверняка. Партизаны показали выносливость, высокую выучку. Однако зиму 43-44 годов закончили с плохим результатом: уничтожили 5 финских солдат, своих же убито и ранено 27 человек.

Командир отряда Журих переоценил себя, возомнил, что нет ему равных. Зиму воевал неумело и плохо. Комиссар Пертунен слабо занимался парработой. За необеспечение руководства отрядом Журих и Пертунен сняты с занимаемых должностей.

Отряд «Красное знамя» сформирован в марте 1941 года в Пудуже. За летний период не выполнил ни одного приказа штаба партизанского движения. Неумелые действия при переходе через линию охранения.

Отряд имени Чапаева сформирован 15 февраля 1942 года в Пудуже. Плохая дисциплина, противник обнаруживал засады, не умеют маскироваться. Растерянность и порою трусость командного состава при встречах с противником. Быто-

вое разложение бывшего командира отряда Шестакова, бывших комиссаров Филиппова и Кузнецова, потерявших всякий авторитет, сказало на их неспособности наладить в отряде должную дисциплину.

Отряд «Красный онежец» сформирован 31 июля 1941 года в Петрозаводске. Летний поход прошёл успешно. Нынче командир отряда Кравченко стал автором нездоровой теории о невозможности партизанской борьбы на их направлении, договорился до необходимости роспуска партизанских отрядов. Он настолько переоценил силы противника, что самоуспокоил себя в невозможности прохода в его тылы.

Товарищ Кравченко доказывает, что противник закрылся в дзотах и блиндажах, поэтому уничтожение его в укрепленных опорных пунктах вызывает большие потери партизан. Финны не идут преследовать партизан — опять плохо, поэтому партизаны не могут проводить боевые операции.

Боязнь потерь личного состава довела товарища Кравченко до такого состояния, что он стал бояться переходить контрольные лыжни противника, стал всячески оправдывать невыполнение боевых приказов, ссылаясь на перестройку противника и его новую тактику, избегая с ним встреч и беспричинно отходя на свою базу.

Комиссар отряда товарищ Герасимов вместо решительной борьбы с подобными убеждениями товарища Кравченко и мобилизации коммунистов и комсомольцев на преодоление всех трудностей партизанской войны и на большее уничтожение финских захватчиков соглашался с доводами командира и поддерживал их.

Подобные настроения товарища Кравченко, которыми он завалировал своё нежелание и неумение воевать, заставили меня посоветовать товарищу Кравченко написать рапорт об освобождении его от обязанностей командира отряда. Просьбу товарища Кравченко я удовлетворил. Вместо него назначен командир, который хочет воевать. Комиссару товарищу Герасимову сделано предупреждение.

Партизанский отряд «Вперёд» сформирован 19 июля 1941 года в Ребольском и Ругозерском районах. Командный состав имеет богатый опыт проведения боевых операций, но не учёл изменившейся обстановки и новой тактики

противника. Отряд, закалённый в боях, за целый год не провёл ни одной боевой операции.

Командование отряда восприняло нездоровую теорию товарища Кравченко и во многом разделило его взгляды, прикрывая ими свою безынициативность и нерешительность. Боязнь потерь личного состава, чрезмерная осторожность, переоценка сил противника незаметно передавались личному составу и влияли на боевые дела отряда.

Принимая во внимание, что товарищ Титов является молодым командиром отряда, я ограничился предупреждением. Комиссару товарищу Пивову тоже сделано предупреждение.

Отряд «Железняк» сформирован 20 октября 1941 года в Пудоже. Провёл в тылу противника 160 суток, прошёл 1600 километров. За год совершил 7 выходов. Однако в последнее время командир отряда Медведков плохо руководил боевыми действиями, прятался за спины командиров взводов. Не сработался командир с комиссаром, личная неприязнь повлияла на дисциплину в отряде. Неумение организовать засады, растерянность, а порою трусость приводили к срыву операций.

Медведков за необеспечение руководства отрядом снят с должности. Комиссару Архипову сделано серьёзное предупреждение.

Отряд «Буревестник» сформирован 15 декабря 1941 года в Пудоже. Провёл 8 выходов. Прошёл за 100 суток 1100 километров. При первом заходе возвратились на базу: командование отряда допустило беспечность — отряд двигался без разведки и попал в засаду, понёс потери. При втором заходе отряд незаметно прошёл линию охранения, достиг района боевых действий, но не сумел провести ни одной боевой операции.

Отряд «За Родину» сформирован 5 августа 1941 года в Шелтозерском районе. Командование отряда действовало безынициативно, без смекалки и хитрости. Помощник командира отряда по разведке товарищ Ферапонтов в непосредственной близости от финского гарнизона открыл огонь по ...белке.

Комиссар отряда Борисов игнорировал приказ командира сводной группы — разводил костры громадных размеров у линии охранения. Однако отряд успешно действовал в соста-

ве сводной группы в разгроме вражеского гарнизона в деревне Конда Заонежского района.

Дотошный доклад Вершинина вначале заставил командиров повесить голову, но позже, когда без критики не остался ни один отряд, все несколько приободрились. Командиры и комиссары со стажем привыкли к замечаниям, соглашались, если они были справедливыми, огорчались, услышав сплетню, поклёп, а хуже того, донос. Почти после каждого похода, докладывая Вершинину о том, что сделано, день за днём, о ходе боевых операций, они получали и благодарность, и взбучку.

«Щипать перья», как говорили партизаны, считалось обязательным делом, а вот гладить по головке часто забывали. Однако, когда в штабе партизанского движения составляли наградные списки, плохое старались забыть и вспоминали лишь удачу, умелое руководство.

Подводя итог совещания, Куприянов отдал должное невероятно трудной партизанской жизни: холод и голод, усталость, ежеминутная опасность, страх окружения и плена, оторванность от родных баз.

Он с горечью признал, что за последнюю зиму противнику нанесён значительно меньший ущерб, чем год назад. Командиры и комиссары отрядов не заметили изменившейся обстановки в финском тылу и новых приёмов противника в борьбе с партизанами. Вот почему многие походы проходили впустую. Если за зиму 1942-43 годов только один отряд «Боевые друзья» не причинил противнику ущерба, то в зиму 1943-44 годов таких отрядов уже оказалось пять. Но в эту зиму захватили больше пленных — 13 человек, взяли больше трофеев, а главное — меньше стало потерь личного состава.

В конце Куприянов сказал, что он как член Военного совета фронта и первый секретарь ЦК партии республики ждёт от партизан только победных рапортов, ждёт полных, конкретных разведданных, которые очень нужны штабу Карельского фронта перед началом наступления. Ну, а когда оно начнётся, партизаны станут надёжными проводниками частей Красной Армии, которые устремятся к финской границе.

А завершил он своё напутствие словами о силе партизанского братства и о том, что док-

лад комбрига Вершинина, конечно же, является военной, а точнее, семейной партизанской тайной, делиться ею с каждым встречным-поперечным недопустимо, дабы не было злопыхательских сплетен — это может подорвать авторитет всего партизанского движения, перечеркнуть героические подвиги, совершённые за прошедшие годы.

Оставшись вдвоём с Вершининым, Куприянов мягко пожурил комбрига за резкость некоторых формулировок и приказал ни под каким видом не давать никому машинописный текст доклада. Он может стать находкой для Штыкова, не скрывающего своего скептического отношения к партизанскому движению в республике.

...9 июня Мерецков и Штыков были срочно вызваны в Кремль. Сталин сообщил, что ленинградцы должны будут первыми прорвать линию обороны финнов. Карельскому фронту поручается разгромить свирско-сортавальскую мощную группировку. Мерецков заметил, что тех войск 7-й армии, которые будут наносить главный удар через реку Свирь, явно недостаточно. Сталин сказал, что это обсуждалось в Генштабе и войска будут выделены. Мерецков стал просить дать ещё один стрелковый корпус для развития прорыва. Василевский и Жуков встретили это в штыки. На подготовку отводилось 10 дней.

— Когда ушли эти двое, Жуков и Василевский, — упоённо рассказывал Штыков Куприянову, вернувшись из Москвы, — товарищ Сталин оставил меня и Мерецкова поужинать. Мы вместе смотрели победный салют. Товарищ Сталин расчувствовался и сказал, что даст нам тот стрелковый корпус, который я и Мерецков просили у него.

Куприянова подмывало спросить, не интересовался ли им Сталин, не спрашивал ли, чем там занят Куприянов. Но удержался. Что-то подсказывало — вождь не спрашивал о нём.

10 июня началось наступление войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке. 20 июня был взят Выборг, и Куприянов сразу послал через Ленинград в освобождённый город небольшую группу давних работников Выборгского горкома партии и горисполкома. Во главе группы поехал секретарь ЦК партии республики Николай Назарович Сорокин.

В Выборге они начали вести учёт разрушенных объектов, прикидывать, что надо сделать в первую очередь для восстановления города. Объём работ оказался большим, и они попросили прислать подмогу — человек десять парработников. Соляков подобрал, подготовил группу, но в день отъезда Куприянову позвонил Маленков:

— Немедленно отзовите своих работников из Выборга! Впредь все вопросы, касающиеся территории, отошедшей от Финляндии, согласовывайте со Ждановым.

Группу Сорокина пришлось отозвать. Вернувшись в Беломорск, они сообщили, что, по слухам, эту местность хочет забрать Ленинград.

Куприянов спросил Штыкова как бывшего секретаря Ленинградского обкома партии, правдивая ли это информация.

— Вопрос будет решаться в ЦК ВКП(б). Скорее всего, ваша республика останется в границах 1939 года, — ответил Штыков.

В эти же дни возник ещё один конфликт, на этот раз с Мерецковым. Тот для успешного наступления решил перебросить из Кандалакши в район Лодейного Поля резерв — 127-й корпус Голованова. Куприянов доказывал, что это ослабит важное кандалакшское направление, а долгая дорога через Беломорск-Обозерскую-Вологду-Тихвин изматает дивизии корпуса. Мерецков не стал его слушать, а Куприянов отказался подписывать приказ о сосредоточении войск.

— Я доложу Сталину, — пригрозил Мерецков.

Но Сталину жаловаться не стал, а позвонил начальнику Генштаба Василевскому. Тот разыскал Куприянова.

— В чём дело? Почему вы отказались подписывать приказ? Такого у нас ещё не было, — удивился Василевский.

Куприянов объяснил свою точку зрения.

— По существу вы правы, — ответил Василевский. — Тащить этот корпус на Свирь не следует. Лишние перевозки, десятки эшелонов, долгий путь. Но не спорьте с Мерецковым. Ему надо показать, как он умеет проламывать вражескую оборону. Он ведь уже доложил Верховному, что перебрасывает на Свирь фронтовой резерв. Завтра он о вашей стычке доложит Сталину. Вам это надо?

Куприянов уступил, подписал приказ о сосредоточении войск, но горечь осталась.

13 июня 1944 года был подписан приказ №212 командующему 7-й армией генерал-лейтенанту Крутикову о переходе в наступление в районе реки Свирь. Подписали приказ генерал армии Мерецков, генерал-лейтенант Штыков и начальник штаба Карельского фронта генерал-лейтенант Пигаревич.

Мерецков поручил ближайшему своему окружению выехать к Свири и проинспектировать изготовившиеся к наступлению дивизии. Куприянов выехал в 272-ю стрелковую дивизию, стоявшую у Лодейного Поля.

В штабе его встретил комдив, давний товарищ Зиновий Нестерович Алексеев, который в 40-м году вывел из окружения остатки 18-й дивизии.

В начале войны он служил начальником штаба 71-й дивизии, руководил боем у деревни Поисвара, наголову разбил два батальона 163-й немецкой дивизии. Там его ранило, но Зиновий Нестерович остался в строю. В августе 41-го по предложению Куприянова полковника Алексева назначили командиром 272-й стрелковой дивизии.

Поговорив о том о сём на ходу, пошли на НП дивизии. Стоял тёплый солнечный день. В стереотрубу хорошо просматривался берег противника.

— Зелёные холмы — это их землянки, — объяснял Алексеев. — Рядом кусты буйные — там у финнов пушки. Всё мы знаем, всё пристреляно. Наша артиллерия начнёт с этих кустов и землянок, а потом перенесёт огонь в глубь финской обороны. К Лодейному Полю подвезли 1200 вагонов снарядов. Это же невиданное дело! Внукам будем рассказывать — не поверят.

Полковник Алексеев повёл Куприянова в полк, расположившийся за большим холмом. В заводи стояло более 50 лодок, ещё десяток лежало на берегу: бойцы, весело переговариваясь, смолили их у небольшого костерка.

— Лодки не очень длинные, как видите, — рассказывал Зиновий Нестерович. — Преимущества малой лодки — в нее труднее попасть из миномёта, да и скорость у неё больше. Такая лодка рассчитана на четырёх человек с оружием. Один из них — перевозчик: высадит троих однополчан и быстро назад — за следующими тремя. Всего в трёх полках у нас 320 лодок заготовлено. Вёслами послужат сапёрные лопатки. За один раз лодки

смогут перевезти 960 человек — два стрелковых батальона. Если лодки обернутся 5 раз, то почти вся дивизия будет переправлена на тот берег.

В полдень Алексеев и Куприянов попали под артобстрел. Спрыгнули в траншею. Снаряды рвались не очень далеко — Куприянова оглушило. А когда артналёт кончился, пошли к землянкам. И тут прямо к ногам Геннадия Николаевича и Шуклина упала мина. Упала и не разорвалась. Небывалый случай!

— Поневоле поверишь в бога, — прошептал Семён Сергеевич Шуклин.

— Значит, не пришёл мой черёд. Я ещё нужен Отечеству. После этого ничто мне не страшно, — произнёс Куприянов сам себе, медленно отделяя слово от слова.

Вечером 19 июня прошло совещание у Мерецкова. Посланные старшие офицеры доложили, что видели в войсках. Все рапорты оказались положительными. Мерецков не скрывал своего удовольствия. Особо поблагодарил Куприянова за подробный доклад о 272-й дивизии.

21 июня в 8 утра залпом «катюш» началось сражение на Свири. Затем вступила тяжёлая артиллерия, сотни бомб обрушили самолёты. Когда огонь начал стихать, войска приступили к форсированию реки на лодках, на плотках.

24 июня с согласия Мерецкова Куприянов выехал в Беломорск, а оттуда поспешил к Гореленко в штаб 32-й армии. Филипп Данилович ожил, даже помолодел, построил. Он, весело глядя на гостя, сообщил, что его армия, начав наступление 20 июня, освободила Повенец, сокрушила мощнейшую оборону в Медвежьегорске и сейчас ведёт наступление в сторону Кондопоги и Спасской Губы.

— Финские войска не бегут, отступают с боями, — рассказывал Гореленко. — Отступают грамотно, с оглядкой, понимают, что их берут в гигантские клещи. С юга жмёт 7-я армия, где ты был, Геннадий Николаевич, и сам всё видел. Кстати, её дивизии уже овладели Олонцом. А с севера — наша 32-я армия, которая рвётся к Петрозаводску. Затем мы пойдём на Пряжу, двинемся к Ладоге, а там уже у Видлицы ждёт 7-я армия и Ладожская военная флотилия.

Куприянов, переночевав у Гореленко, выслушав за ужином подробный рассказ о том, как брали железобетонные бункеры и укрепления,

вырубленные в скалах на окраине Медгоры, ранним утром стал собираться ехать в Кондопогу. Филипп Данилович просил не спешить, погодить часок, пока подготовят машину, соберут охрану. Но Куприянов обнял Гореленко и пошёл к своей легковушке. Дима Макеев стоял у вымытого «бьюика», ждал команду. В машину сели адъютанты — Шуклин, Зайцев, Филонов, все с автоматами. Взял автомат и Куприянов, положил у ног на привычное место.

Вот и первая освобождённая деревня — Лижма. Войска прошли здесь накануне без боя. В центре вмиг собралась толпа; те, кто постарше, узнавали Куприянова, девушки поднесли цветы. Шуклин достал из сумки трофейный фотоаппарат. Подходили всё новые и новые люди, обнимали Куприянова, старушки кланялись до земли, мальчишки гладили лакированные крылья «бьюика», заглядывали в кабину.

В полдень 28-го въехали в Кондопогу. Здесь они встретили командира 1070-го полка 313-й дивизии подполковника Пильщикова. Полк отдыхал после боя. Поехали в центр города, провели митинг. Куприянов говорил радостные слова, поздравлял с освобождением, отвечал на вопросы. Шуклин без устали щелкал фотоаппаратом.

В Шуе экипаж первого секретаря ЦК партии республики встречали калитками, молоком. Мост через реку Шую был взорван. Войска переправлялись на лодках, плотках. Сапёры и местные жители по настоятельной просьбе Куприянова, торопившегося в Петрозаводск, начали сколачивать широкий дощатый помост, затем укрепили его поверх двух больших лодок. Утром 29-го «бьюик» закатили на помост и поплыли на другую сторону реки. Пристали к заросшему берегу, с огромным трудом вытащили легковушку, подкатили к дороге и, минуя пеших красноармейцев 1070-го полка, устремились к Петрозаводску.

Над городом кое-где поднимались дымные хвосты пожаров. Горел лесопильный завод в Соломенном. На въезде в город стояли две машины с патрулями. «Бьюик» генерала пропустили сразу.

Куприянов вертел головой, то и дело просил Диму притормозить, разглядывал пожарница на Первомайском шоссе. Миновали обгоревшее крыло университета, проехали мимо страшного

фасада сгоревшей гостиницы «Северная». Чувство радости заглушила печаль. Она ещё больше усилилась, когда вдалеке показались разрушенные корпуса Онегзавода.

Старинный ансамбль на площади Ленина, гордость города, не пострадал. Но на ней не было главного — величественной гранитной фигуры Ильича. Вместо памятника на постаменте стояла короткорылая гаубица времён Первой мировой войны.

Геннадий Николаевич медленно взошёл на знакомое крыльцо, прошёл по коридору в свой большой полукруглый кабинет. Всюду следы поспешного бегства — на полу шелестели канцелярские машинописные листы, газеты, журналы.

На прежнем месте стоял знакомый старинный стол, мирно тикали большие часы. Куприянов открыл окно, закурил, сел за свой стол и сидел недвижимо, пока сгоревшая папироса не прижгла палец. Шуклин наблюдал за ним из коридора, кашлянул и стал пытаться финкой сорвать, скovyрнуть табличку на двери с надписью на финском языке: «Начальник Военного управления Восточной Карелии полковник Олли Палохеймо».

Адъютант Зайцев привёл нескольких женщин с вениками, и те занялись уборкой. Второй адъютант привёл молодого офицера. Увидев генеральские погоны на гимнастёрке Куприянова, тот представился — заместитель командира комендантского взвода 31-го отдельного батальона морской пехоты лейтенант Ровчак проверяет посты у правительственного здания. Доложил о кораблях Онежской военной флотилии, причаливших вчера в полдень в порту, сообщил адрес штаба военного коменданта города майора Молчанова на улице Коммунистов.

Поехали в порт, нашли большой охотник «Марсовый». Командующий флотилией капитан первого ранга Антонов обрадовался появлению Куприянова, пригласил в каюту флагмана флотилии, угостил обедом. За столом рассказал, как готовилась флотилия к высадке, как авиаразведка доложила ему, что противника в Петрозаводске нет, как в 10 часов 30 минут первый бронекатер подошёл к пылающей пристани. Затем началась высадка батальона морской пехоты.

Ровно в полдень, после того как погасили горевшие доски причала, провели митинг. Гушить помогали десятки людей, прибежавших в порт. Антонов обратился к жителям, не сходя с корабля, стоя на ходовом мостике, поздравил их с освобождением столицы Карело-Финской ССР. А в 12 часов 40 минут в честь этого исторического события «Марсовый» дал салют — 21 выстрел из носового орудия.

После обеда Неон Васильевич Антонов показал Куприянову красное знамя, которое передала краснофлотцам пожилая женщина Анна Севостьяновна Рогозкина. Она хранила его три года в концлагере и дала слово в самом начале войны — отдать знамя, забытое в конторе, где она служила уборщицей, первому воину-освободителю, вступившему в Петрозаводск. Простая русская женщина верила в победу, и победа пришла.

Антонов сообщил, что в городе находятся подвижные группы десантников 31-го батальона на бронемашинах и автомобилях, улицы круглые сутки охраняют патрули. Всюду спокойно. Сапёры этого же батальона морской пехоты Молчанова ведут разминирование улиц, площадей, уцелевших в центре домов.

Куприянов спросил, обнаружены ли мины вчера и сегодня в правительственных зданиях, и особенно на самой площади Ленина. Антонов заверил — мин нет, проверено тремя командами. Договорились, что в ЦК партии республики протянут телефонный кабель для связи с «Марсовым» и военной комендатурой.

Вечером в кают-компанию «Марсового» слушали Москву, неповторимый голос Юрия Левитана:

«Говорит Москва. Говорит Москва...Приказ Верховного Главнокомандующего командующему Карельским фронтом генералу армии Мерецкову.

Войска Карельского фронта, в результате глубокого манёвра на окружение с высадкой десанта на западном побережье Онежского озера, освободили от немецко-финских захватчиков столицу Карело-Финской республики город Петрозаводск, заняли город и железнодорожную станцию Кондопога, очистив тем самым от противника Кировскую (Мурманскую) железную дорогу на всём её протяжении.

В боях за освобождение Петрозаводска отлич-

лись моряки капитана первого ранга Антонова, капитана второго ранга Крохина, капитан-лейтенанта Ельникова, капитана третьего ранга Никулина, капитана Молчанова; войска генерал-лейтенанта Гореленко, генерал-майора Сопенко, полковника Цыганкова, полковника Алексева, подполковника Пильщикова; артиллеристы полковника Глотова; сапёры полковника Иванчихина и связисты капитана Рождественского.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение Петрозаводска, представить к присвоению наименования «Петрозаводских» и награждению орденами.

Сегодня, двадцать девятого июня, в двадцать два часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Карельского фронта, освободившим столицу Карело-Финской республики — Петрозаводск, — двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Петрозаводска.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецко-финским захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза Сталин».

Светлым тёплым вечером приехали военные кинооператоры. Как всегда, они торопились и сразу же начали съёмку. Антонов собрал командиров кораблей — Никулина, Крохина, Капустина, Кучеренко, Шемякина. Кинооператоры поставили их вокруг Антонова и Лощакова. Куприянов поправил операторов и стал в центре группы. Звук не записывался, но член Военного совета не обратил на это внимания и стал повествовать о том, сколько дней и ночей шёл Карельский фронт к победе и как лично он мечтал о победном дне в Петрозаводске.

Связисты 31-го батальона дали связь, поставили даже коммутатор на сто номеров. Из ЦК партии на «Марсовый» позвонил адъютант Зайцев и доложил, что все комнаты на первом этаже прибраны, полы вымыты, через открытые окна улетучивается чужой дух — сладкий запах сигарет и сапожной ваксы.

Куприянов поехал на площадь Ленина. Невзирая на позднее время, у родного гранитного крыльца толпились люди, здоровались, задавали вопросы. В приёмной сидели три девушки, три подпольщицы: Шура Антипина, радистка Маша Артемьева и ее подруга. Мария Бультякова — секретарь Сегозерского подпольного райкома комсомола, сестра Анастасии Коллиевой, секретаря Ругозерского райкома партии, очень много сделавшая в первые месяцы войны. Машу Бультякову Куприянов помнил, он беседовал с ней перед её уходом в Сегозерский район, подписывал боевое задание ей и всему подпольному райкому партии, отправлявшемуся в Паданы для важной работы.

Три девушки, только что вышедшие из Киндасовского финского лагеря, сидели перед ним, худые, измождённые, но с радостными лицами. Девушек выдали предатели. Финский военнопольевой суд приговорил их к расстрелу, но, учтя их юный возраст и то, что они карелки, расстрел заменили на вечную каторгу.

Куприянов выслушал их рассказ, поздравил с освобождением и пообещал всех устроить в общежитие. Посоветовал пойти учиться в университет, который скоро вернётся в Петрозаводск из Сыктывкара.

Позже неожиданно появились радостные Юрий Андропов и Геннадий Фиш. Андропов обнял девушек, радовался, что они живы. Это ведь он нашёл их и рекомендовал, готовил для подпольной работы.

Девушек проводили, и Андропов сообщил, что они добрались в город с юга, вместе с полком 368-й дивизии, видели героическое форсирование Свири. Рассказали интересную новость: Штыков на берегу грозной, широкой реки решил создать музей «Свирская битва». По его заданию из Ленинграда ещё до штурма приехали художники, скульпторы, фотографы. Среди них выделялся громким голосом и хвастливым нравом корреспондент фронтовой газеты «В бой за Родину» Павел Шубин. Штыков его привёз с собой с Волховского фронта и направил в газету. Шубин не упускал случая похвастать, что он написал слова «Волховской застольной»:

*Вытьем за тех, кто командовал ротами,
Кто замерзал на снегу,*

*Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая вразгу...*

Шубин читал это стихотворение в штабной землянке, где собрались командиры, журналисты, приглашённые Штыковым работники культурного фронта. Пригласил он и Андропова, Фиша, двух фотокорреспондентов.

Шубин был слегка под хмельком, говорил, что так надо, так он делает, когда читает на публике свою «Застольную». Произнося последние слова песни: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальём», он доставал из сумки фляжку и делал пару глотков. Сцена проходила под аплодисменты.

Затем Шубин читал отрывки из только что написанной поэмы «Битва на Свири». С гордостью сообщил, что посвятил её товарищу Мерецкову, издаст поэму отдельной книжечкой, Кирилл Афанасьевич обещал поддержку. Книга станет украшением создаваемого музея.

И ещё что касается музея. Штыков сообщил: центральная экспозиция будет посвящена товарищу Сталину — организатору и вдохновителю побед Карельского фронта.

Таков был рассказ Юрия Владимировича. После него Геннадий Фиш отрапортовал — им написаны очерки и для газеты фронта, и для «Ленинского знамени» в Петрозаводске.

...Утром 30 июня на площади Ленина провели большой митинг. Куда ни кинешь взгляд — женские белые косыночки и красноармейские пилотки.

Куприянов будет часто вспоминать этот день, этот митинг, радостные лица горожан. Он нашёл такие слова, такую интонацию, что многие люди плакали. Слезы радости и горя стояли и в его глазах.

— Всегда наш народ и наша армия были уверены в победе, ибо мы знали, что армией и страной руководит величайший гений нашей эпохи великий Сталин, и эта вера, эта великая вера в победу придавала нам силу, вдохновляла миллионы людей на подвиги, помогала преодолеть неисчислимые трудности и лишения, вызываемые войной.

Как только войска вошли в город, мы открыли двери лагерей и тюрем. И сейчас мы примем все меры к тому, чтобы вы скорее смогли увидеть

своих родных и заняться мирным трудом.

Перед нашими глазами зияют страшные раны, нанесённые врагом нашему городу. Надо немедленно приниматься за его восстановление. Из руин и пепла мы возродим тебя, любимый город!

Затем выступили начальник политотдела Онежской военной флотилии Лошаков, начальник политотдела 368-й дивизии Вечер, петрозаводский учитель Чистюнин.

Прокконен огласил приветственные телеграммы: от Старостина из Мурманска, от Огородникова из Архангельска. С особым пафосом прочитал:

«От всего сердца горячо поздравляем трудящихся Карело-Финской республики с блестящей победой доблестных войск Карельского фронта. Братский привет. Крепко обнимаем. Ваши Папанин, Мазурук».

Юрий Андропов огласил письмо товарищу Сталину от трудящихся Петрозаводска. Над замершей площадью летели пламенные слова:

— Мы снова свободны. Мы снова в родной своей семье. Нет слов, чтобы выразить нашу благодарность Вам, дорогой товарищ Сталин, нашей Красной Армии, Красному флоту за наше освобождение!

Долгими аплодисментами встретили люди эти слова. Охрану митинга осуществляла морская пехота 31-го батальона. Куприянов поздоровался с Молчановым перед митингом, а до этого они встречались в кают-компании «Марсового», и он сказал, чтобы завтра утром комендант города был у него в кабинете с докладом.

В восемь утра Иван Сергеевич Молчанов докладывал:

— В городе круглые сутки ведётся патрулирование, помимо пеших групп задействованы бронемашины, мотодрезины на железной дороге. Никаких вражеских диверсионных групп не обнаружено. Взорваны электростанция, силовые трансформаторы, мосты, водокачка на железной дороге. Пожар на лесопильном заводе в посёлке Соломенное погашен. При тушении пожара погиб боец Табеев, при разминировании — Перегулов и Бабак. Все из моего батальона. Вчера сапёры мичмана Жидкова только за полдня обезвредили 280 мин в центре города. Вода в заливе не заражена. Водопровод не действует. Пожары в городе ликвидированы.

Во всех шести концлагерях осталось много людей, им пока некуда идти. Мы поставили походные кухни, варим для них обеды. Наши полевые пекарни пекут им хлеб. Возле лагерей тоже были мины. Опасны минные колодцы у взорванных мостов, к ним надо осторожно подбираться. В них заложено огромное количество взрывчатки. Разминирование ведём весь световой день.

— Когда финские войска покинули Петрозаводск? — остановил коменданта Куприянов.

— Наша воздушная разведка финского отступления не заметила. Но мне достоверно известно, что последний воинский эшелон отправился на запад 27 июня в 21 час 30 минут. Вчера в мой штаб молодая женщина привела финского капрала, своего сожителя. Она уговорила его сдать Красной Армии. Таким образом он сохранит себе жизнь. Капрал служил на железной дороге и не воевал с оружием в руках. Он и сообщил время отбытия последнего поезда с финнами. Сказал, что несколько его однополчан взяли в жёны местных карелок и увезли их в Финляндию. Капрал готов идти на сотрудничество с нами, многое может рассказать. Видел, как месяц назад был взорван и загорелся военный склад, набитый армейскими велосипедами. На них финские солдаты передвигаются. В тот же день в городе прогремело ещё несколько взрывов.

— Это действовали наши подпольщики, — прервал его Куприянов. — Вы как военный комендант Петрозаводска даёте гарантию, что здесь нет вражеских диверсантов?

— Специальные группы нашего батальона обследовали все уцелевшие дома в центре города, обыскали подвалы, чердаки. Патрули несут службу не только на улицах города, но и в окрестностях, разведчики расспрашивают население.

— Вы как командир отдельного батальона морской пехоты даёте гарантию, что готовы защитить город в любую минуту?

— Мой батальон в полной боевой готовности, товарищ генерал.

— Ну что ж, я доволен, — добавил Куприянов, протягивая Молчанову раскрытую коробку «Казбека». — «Любимый город может спать спокойно», как поётся в песне. И ещё, майор: прикажите вашим патрулям, чтобы сняли со стен домов бумажки с приказом Антонова о том, что вся

власть в городе возглавляется военным командованием и, следовательно, вами, военным комендантом. Теперь я в Петрозаводске — вся власть!

Через несколько дней, когда железнодорожные и сапёрные батальоны наладили повреждённый путь, в Петрозаводск первым поездом прибыли работники ЦК партии республики, Совнаркома, сотрудники некоторых наркоматов, артисты театра оперетты. Всех надо было разместить, поселить. Этим занималась комиссия во главе с секретарём Петрозаводского горкома партии Дильденкиным.

Позади здания, в котором находился ЦК партии, уцелел квартал добротных двухэтажных деревянных домов. Он примыкал к Парку пионеров и выходил на улицу Герцена. В каждом доме — по восемь-десять квартир. Обследовав эти дома, комиссия решила: здесь будут жить семьи руководителей республики. В доме № 10 по улице Герцена на втором этаже поселились семьи Куприянова и Прокконена.

Вере Васильевне квартира понравилась — пять комнат, пусть не очень больших, но зато будет комната у девочек, у няни, кабинет у мужа. Главное — тихий район, рядом работа, центр города. На службу она пошла сразу, как только переехал наркомат финансов. Дети оставались на попечении няни, обживали окрестности, Витя и Роза бегали на Лососинку, в порт, где ещё стояло несколько бронекатеров Онежской флотилии.

Геннадий Николаевич уходил из дому рано, приходил поздно. Работы было выше головы, но трудился он с какой-то удвоенной силой. Соратники дружно отмечали неиссякаемый заряд бодрости, быстроту мысли, разумность принимаемых решений.

Штаб партизанского движения оставался в Беломорске. Ежедневно Куприянов звонил Вершинину. Слушал его доклад — все отряды задействованы, ушли на финскую территорию, заняты привычным делом: взрывают мосты, минируют дороги, нападают на отступающие финские части, регулярно поставляют разведанные нашим армейским штабам и в Беломорск лично Вершинину.

Комбриг, так по старинке продолжали звать Вершинина, сообщил, что его первоиюньским докладом никто не интересовался и что Кравченко и Журих, выполняя указание Куп-

риянова, возвращены в строй, комплектуют новые партизанские отряды. Приказ о назначении их командирами отрядов Вершинин подписал. Встряска пошла на пользу — оба рвутся в поход.

Куприянов ещё раз убедился: Вершинин — верный помощник. Обладая цепкой памятью, он иногда вспоминал такие мелочи, которые у иного давно бы выветрились из головы, многих знал в лицо, знал фамилию, имя и отчество, кто где родился, где учился. Человек мало пьющий, небогатый, он не забывал слабости некоторых командиров и комиссаров. Всё это позволяло ему держать начальственный состав отряда в кулаке, как однажды он сказал Куприянову. Сергей Яковлевич был ценным и надёжным информатором, и со временем Куприянов доверял ему многое. В 1943 году Вершинин получил орден Красного Знамени, а позже Куприянов ходатайствовал о награждении его орденом Кутузова 1-й степени.

В представлении к полководческому ордену он писал:

«Сергей Яковлевич Вершинин до войны служил в погранвойсках, в первый год войны руководил 4-м отделом НКВД, который занимался партизанским движением. С июня 1942 года — комбриг, начальник штаба партизанского движения при Военном совете Карельского фронта, руководит всеми отрядами, планирует их действия, контролирует исполнение порученных заданий.

За время войны партизанские отряды Карельского фронта разгромили 52 крупных гарнизона противника, пустили под откос 31 воинский эшелон, разбили 29 паровозов и 533 вагона, взорвали 247 железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили 10523 метра железнодорожного полотна, 7 самолётов, 11 танкеток и бронемашин. Убито 13218 солдат и офицеров, взят в плен 101 человек.

В момент наступательных операций Карельского фронта в 1944 году тов. Вершинин С.Я. умело увязывал действия партизанских отрядов с наступлением наших войск.

Ходатайствую о награждении тов. Вершинина С.Я. орденом Кутузова 1-й степени».

...Отношения со Штыковым приобретали всё более сложный характер. Ещё в первый свой

приезд в Беломорск в марте 1944 года Терентий Фомич спросил Куприянова:

— Как вели себя карелы за три года войны?

— У меня нет фактов, чтобы возникало сомнение в преданности советской власти карелов и наших финнов, — ответил Куприянов.

И позже Штыков возвращался к этой теме, поучал:

— Сейчас национальный вопрос надо решать в свете последних указаний товарища Сталина. Изменникам нет места в братской семье советских народов.

Не получив от Куприянова никакой нужной ему информации, Штыков стал искать её через НКГБ и управление контрразведки «Смерш».

В своих записках Куприянов пишет:

«После освобождения Олонецкого района Штыков активизировал сбор компромата. Он, уже не стесняясь, говорил в узком кругу, что поставит перед Сталиным вопрос о высылке карелов на восток. Я сделал ему замечание, но Штыков твердил своё:

— Я убеждён, что карелы, финны и вепсы, проживающие в КФССР, вели себя предательски. Оставшиеся в оккупации целиком сотрудничали с оккупантами, во всём им помогали и во всём сочувствовали. Много карелов из войск и партизанских отрядов перебежало к противнику. Никакого партизанского движения и никакой подпольной работы на оккупированной территории Карелии не было. Я докажу в ЦК ВКП(б), что с карелами надо поступать так же, как с калмыками и крымскими татарами.

Спорили долго. Мы все, конечно, знали о кое-каких фактах предательства. Карел Васильев с хутора Капроламби выдал финнам подпольщиков Гумбарова и Бурцева, связной госбезопасности карел Терентьев из Падан выдал Бультякову и Артемеву, загубил Сегозерский подпольный райком партии. Слыхали мы и о том, что 13 вепсов в Шелтозерском районе сотрудничали с оккупантами.

— Нельзя судить о целом народе по единичным примерам, — отвечал я Штыкову. — Предатели, к сожалению, были и среди русских.

— Карелы очень плохо встречали наши войска в Олонецком районе.

— Конкретно, пример, — парировал я.

— В деревне Мегрега старуха карелка не дала нашим бойцам молока, хотя у неё есть корова.

Подобное наблюдалось и в других деревнях. «Смерш» докладывает — карелки забеременели от финских солдат...

Далее Штыков даже называл фамилии трёх женщин-карелок, которые сожительствова­ли с финскими офицерами. Ещё добавил известный слу­чай — учительница-карелка в Олонецком районе, освобождённом нашими войсками, спровоцировала военного корреспондента, поэта Павла Шубина, а потом обвинила его в том, что он хотел её изнаси­ловать. А я, Куприянов, как член Военного совета, не разобралась, дал санкцию на арест Шубина.

— Терентий Фомич, — сказал я, — неужели с эти­ми фактами вы поедете в ЦК ВКП(б)?

— Факты будут, не беспокойся. Подберут, — от­ветил мне Штыков.

Яковлев, секретарь ЦК партии республики по пропаганде, зашёл ко мне, как только я приехал в Петрозаводск с фронта.

— Мне Калашиников, новый начальник политуп­равления фронта, приказал собирать материалы о предательстве карелов в годы войны. Я сам карел, как это понимать?

Стало ясно — Штыков готовится серьёзно. Прошло немного времени, и он сообщил, что с его выводами согласны Жданов и Мерецков, что обо всём этом уже доложено Сталину и скоро этот вопрос будет решаться на заседании оргбюро ЦК ВКП(б).

Куприянов без раздумий вступил в борьбу. Он дал указание начальникам политотделов пяти общеармейских и одной воздушной ар­мий, начальнику политуправления Северного военно-морского флота, чтобы они срочно собрали и передали по телеграфу в политуп­равление Карельского фронта факты подви­гов, примеры образцовой службы карелов, финнов, вепсов в годы войны.

Такое же задание он дал и Вершинину, хотя сам знал многих смельчаков; знал и то, что в отрядах воевало более 650 карелов — третья часть всех партизан.

Яковлев, Сюкияйнен и Моносов занялись подбором опубликованных в газетах материалов, повествующих о том, как воевали карелы, финны и вепсы и как работали в тылу.

Помимо этого в ЦК партии республики храни­лись копии справок, время от времени посылае­мые в Москву, донесения, рапорты об удачных

операциях, о подвигах красноармейцев и парти­зан, копии представлений к наградам.

Записку составили за неделю, ещё неделю дополняли, уточняли, редактировали, печата­ли на машинке. Получилось 73 страницы. За­тем её обсудили на бюро ЦК партии, одобри­ли. Куприянов, серьёзный и сосредоточенный, подписал записку, хорошо понимая, в какую он ввязывается борьбу. Мог ли он отступить в сторонку, мог ли поддакнуть Штыкову? Мог. Мог поддакнуть и Жданову, члену Политбюро ЦК, с которым у него сложились давние и доб­рые отношения. В этой же тройке находился и Мерецков, фигура значительная — командую­щий фронтом, Карельским фронтом. Разумно ли с ним враждовать?

Записка получилась большой, будут ли её читать там, наверху? Но набралось столько дельных, малоизвестных материалов, что рука не поднималась выбрасывать, вычёркивать, сокращать. Каждая строка выглядела ярко и убедительно.

Сто тысяч сынов и дочерей Карело-Финской республики воевали на фронте. В Красную Ар­мию из них призвано 94 тысячи, в истребитель­ные батальоны ушло 3,5 тысячи, в партизанских отрядах сражались 2 тысячи человек. Треть из них были карелы, финны, вепсы.

Гордостью республики стали Герои Советско­го Союза, карелы Николай Омелин, Алексей Афанасьев, подпольщица Мария Мелентьева, вепсянка Анна Лисицына, финн Пётр Тики­ляйнен.

В записке подробно рассказывалось о 71-й дивизии, сформированной из 1-го корпуса Финской Народной Армии и состоявшей на 90 процентов из карелов. Дивизия успешно за­щищала родную Карелию, понесла огромные потери, прорывала блокаду Ленинграда в сос­таве Волховского фронта, дралась на Курской дуге, освобождала Украину, Польшу.

Чего стоит один полк майора Валли, разгро­мивший кавалерийский полк противника!

Все в дивизии знают имя храброго разведчика капитана Кукконена, который одним из первых на Карельском фронте получил орден Ленина.

Первым командиром 71-й дивизии был финн Анттила, командиром 52-го стрелкового полка — финн Алонэ, командиром 206-го пол-

ка — тверской карел Алексеев, 126-го полка — финн Вяжя. Комиссаром дивизии стал олонекский карел Егоров, командиром сапёрного батальона — финн Алтонен.

Отлично воевали карелы: полковник Горчаков, майоры Самойлов и Евсеев. Умело командовали финны: полковник Суомалайнен, подполковник Лехен.

Среди подпольщиков было немало карелов и финнов. Дмитрий Тучин, вепс из Шелтозера, укрывал много дней у себя в доме группу подпольщиков. Работникам подпольных райкомов в деревнях помогали местные жители, карелы.

В записке говорилось, что карельское население игнорировало политику финских оккупантов, оно было едино с русским народом. Народ Карелии ждал Красную Армию, верил в её возвращение и радовался её приходу.

Эту объёмную записку Куприянов послал Сталину, Жданову, Маленкову, Щербакову, всем членам Политбюро ЦК, другим руководителям страны. В сопроводительном письме Куприянов написал, что некоторые деятели ставят вопрос о репрессировании всех карелов, финнов, вепсов за якобы предательское их поведение во время войны. В массе своей эти люди вели себя героически, и постановка вопроса о необходимости применения к ним репрессивных мер ничем не может быть обоснована.

Десяток копий этой записки Куприянов направил начальнику политуправления фронта Калашникову, приказал её размножить и послать в политотделы дивизий, комиссарам полков, отдельных батальонов для проведения политбесед с бойцами. Несколько экземпляров были посланы Вершинину для комиссаров партизанских отрядов.

В середине августа Мерецков, Штыков и Куприянов должны были выехать в Москву. Послав записку в Кремль, Куприянов волновался, дойдёт ли она до Сталина и когда. Промедления не должно быть! После некоторых колебаний позвонил Поскребышеву, помощнику Сталина.

Тот ответил — записка передана товарищу Сталину, как и записка Штыкова.

10 августа, когда уже шли затухающие бои, Куприянов был ранен в голову. Рана неопасная, но врачи сказали, что в госпитале они продержат его не меньше месяца.

Из Москвы то и дело звонили второму секретарю ЦК партии республики Николаю Назаровичу Сорокину, спрашивали о состоянии здоровья Куприянова, напоминали, что, как только выйдет из госпиталя, ему надлежит сразу ехать в Москву.

Неожиданно Куприянова в палате навещил Мерецков, приехал, чтобы сообщить о прискорбном происшествии в 289-й дивизии, которой командовал опытный командир Тойво Томмола.

— Дивизия прошла с боями к границе свыше 200 километров, понесла значительные потери, ослабла, устала, — рассказывал грустный Мерецков. — Один её полк с артиллерийским дивизионом перешёл границу, но финны нажали, и полк отступил, оставив две батареи — восемь орудий. Отошли на 10 километров, в окружение не попали, но пушки не сумели вывезти. Не такая большая потеря, но, конечно, обидно. Штыков, узнав, что Томмола — финн, тут же позвонил Сталину и, как говорится, посадил Сталина на беса.

— Как это при наступлении потерять артиллерию? — зло спросил Сталин.

Вскоре нас со Штыковым вызвали в Москву. Мы докладывали о том, как успешно идут дела на нашем фронте, говорили, что финнов пока не удаётся окружить, они отступают с боями, но дух у наших бойцов крепкий, победный, и скоро выйдем к госгранице. Сталин слушал внимательно, спокойно. А потом вдруг ехидно спросил:

— Боевой дух и в этой 289-й дивизии? Кто ею командует?

— Генерал Томмола, — ответил я.

— Он финн, — добавил Штыков.

— Почему допустили финна воевать против финнов? Снять этого Томмола!

Сказав это, Сталин даже кулаком ударил по столу. А Штыков ещё перцу подсыпал: дескать, мы давно его хотели убрать, но мешал Куприянов, он его хочет назначить наркомом обороны своей республики.

Зачем всё рассказываю? Затем, что от тебя потребуют объяснений по поводу Томмола. Подготовься к ответу...

В июле вышел Указ о награждении Куприянова орденом Красного Знамени. В Указе было написано: «За выполнение боевых зада-

ний». Представление написал Мерецков, который по поводу высылки карелов вначале склонялся в сторону Штыкова, а потом принял сторону Куприянова.

Лечение в госпитале шло вяло, рана на голове никак не заживала. Геннадий Николаевич нервничал, ругался с врачами. В один из дней велел прицепить служебный вагон к очередному поезду и с повязкой на голове выехал в Москву.

В ЦК партии он первым делом зашёл к управляющему делами, давнему приятелю Крупину. Тот замахал руками и отправил Куприянова в Кремлёвскую больницу, высказав при этом несвойственные ему резкие слова:

— Будете лежать, пока не снимут повязку. Из больницы вас не выпустят. Это вам не Карельский фронт, где вы во всём хозяйничаете, как вздумается.

В конце августа, сделав полное клиническое обследование, Куприянова выписали, припудрив затянувшиеся раны на лбу и на губе. Он сразу же связался с Поскребышевым по телефону. Тот сообщил радостное известие:

— Товарищ Сталин прочитал вашу записку. Товарищ Сталин с вами согласен. Но товарищ Сталин очень занят в эти дни делами фронтов, и поэтому обе записки — ваша и Штыкова — переданы Маленкову, чтобы обсудить их на заседании секретариата. Результат знаете только вы и Маленков.

Геннадий Николаевич позвонил Маленкову, тот сообщил, что заседание состоится через два дня.

Куприянов вызвал из гаража ЦК машину, поехал в гостиницу, вечером сходил в Большой театр. На следующий день побывал в наркомате обороны. Вечером был принят Вознесенским. Повели разговор о том, сколько бед принесла война и сколько сил и средств понадобится на восстановление Петрозаводска, Кондопоги, Сегежи. Вознесенский по-прежнему благодарил за поставки слюды, обещал всяческое содействие в восстановлении Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината.

В назначенный день Куприянов приехал в ЦК и сразу же пошёл в приёмную Жданова. Помощник сказал — у Андрея Александровича на приёме товарищ Штыков, пробудет долго, а заседание секретариата состоится в кабинете

Маленкова в 3 часа дня. О том, где и когда состоится заседание, Куприянову позвонил в гостиницу ещё накануне помощник Маленкова Суханов. Куприянов не уходил из приёмной, ему очень хотелось повидать Жданова, вспомнить старое, рассказать живо и ярко, как воевали карелы, как самоотверженно трудились в тылу, на лесозаготовках, в колхозах. Таким нехитрым образом растопить лёд, расположить к себе, перетянуть на свою сторону. Он стал просить, уговаривать помощника, чтобы тот зашёл в кабинет, сказал бы, что в приёмной уже давно сидит Куприянов. Помощник уступил, зашёл в кабинет и сразу вышел, разводя руками. Геннадий Николаевич понял — Жданов не захотел его видеть. Это плохой признак.

Тогда он отправился в приёмную Маленкова. Суханов, приветливый, вышколенный, в светлом гражданском костюме, но с манерами военного, попросил подождать минут десять, пока выйдет посетитель.

Маленков принял Куприянова как всегда сидя. Не вставая, подал мягкую руку, сдержанно выслушал поздравление по случаю присвоения ему высокого звания Героя Социалистического Труда, коротко сообщил, как обсуждался вопрос о Карело-Финской республике у Сталина.

— Товарищ Сталин прочитал вашу записку. Он сказал, что никакой аналогии между карелами и крымскими татарами, конечно, проводить нельзя. Куприянов тут прав, но он уж слишком перехвалил карелов. И в самом деле, вы, захлёбываясь, хвалите карелов, финнов, вепсов, как будто среди них нет плохих.

— Почему же, есть и плохие. Но о них вам написал Штыков, а я решил написать только о хороших. Вот и решайте, каких больше.

О том, как шло это чрезвычайно важное заседание, Куприянов записал в свою тетрадь.

«Заседание состоялось 30 августа. Присутствовали: Жданов, Маленков, Щербаков, Шамберг, Штыков и я.

Первым выступил Штыков. Он не сообщил ничего нового по сравнению с тем, что говорил мне в начале августа, не привёл скольконибудь убедительных фактов о националистической деятельности карелов. Но говорил громко, с петушиным пафосом, стараясь повлиять на присутствующих и убедить их, что с

Карело-Финской ССР надо поступать так же, как с Калмыкией или Крымской республикой. Вспомнил и о том, как генерал Томмола «подарил» финнам 8 пушек.

Жданов и Щербаков отнесли к речи Штыкова с явным сочувствием.

Потом слово предоставили мне как явно обвиняемому. Но в чём? Мне не стоило большого труда опровергнуть доводы Штыкова. Я начал с 289-й дивизии, с характеристики её командира. Тойво Томмола с молодых лет в партии, с молодых лет он — верный боец за советскую власть: курсант интернациональной военной школы в Ленинграде, участник легендарного лыжного похода Антикайнена, громившего гарнизоны белофиннов. Генерал Тойво Викторович Томмола — храбрый боец, умелый заботливый командир, член партии с 1931 года, настоящий красный финн. Потеря 8 пушек 76-миллиметрового калибра образца 1927 года — прискорбное явление. Но три года назад немцы захватывали целые армии с танками, пушками всех калибров и даже самолётами.

Теперь о мирном населении. Старуха карелка, отказавшаяся дать молока, не могла удовлетворить просьбу четырёх стрелковых дивизий и тылов всей 7-й армии, которые в те дни прошли около её дома. У неё одна коза, именно коза, а не корова, молока которой не хватит даже на одно стрелковое отделение.

П. Шубин действительно пытался изнасиловать учительницу-карелку. К этому времени над ним состоялся суд. Опытный и юридически грамотный председатель Военного трибунала фронта А.М.Харитонов в полном согласии с прокурором фронта признал П.Шубина виновным в избиении и попытке изнасилования карельской девушки. Трибунал приговорил П.Шубина к восьми годам лишения свободы и лишил воинского звания майора.

Все остальные факты, приведённые Штыковым, были так же малозначительны и не могли служить основанием для обвинения целого народа.

Затем, по праву председательствующего, с подведением итогов спора выступил Г. М. Маленков. Он упрекнул меня лишь в том, что в своей записке я перехвалил карел, что не привёл ни одного отрицательного факта, всё изобразил в свет-

лых тонах. И главное — зачем я полез со своей запиской к И.В. Сталину — как будто у Сталина мало дел без этого. Но под конец сказал, что И.В.Сталин против принятия административных мер к карелам, что их поведение нельзя сравнивать с поведением крымских татар.

А.А. Жданов, А.С. Щербаков и особенно Т.Ф.Штыков, да, пожалуй, и сам Г. М. Маленков не ожидали такого поворота дела. Они считали, что Сталин их поддержит.

После сообщения Г. М. Маленкова воцарилось молчание. Неловко чувствовал себя основной докладчик — Т. Ф. Штыков и сочувствующие ему А. А. Жданов и А. С. Щербаков.

Молчание нарушил Жданов. Он сказал, что надо бы всё-таки как-то закруглить этот вопрос:

— Надеюсь, товарищ Куприянов не будет возражать, если мы отметим некоторые недостатки в массовой политической работе среди населения, только что освобождённого от оккупации?

Все согласились. Проект решения было поручено написать мне и М. А. Шамбергу. Вечером того же дня я зашёл к Михаилу Абрамовичу с проектом, который написал за один присест. М.А. Шамберг сказал, что на заседании я говорил очень хорошо, убедительно и, выражаясь военным языком, наголову разбил генерала Штыкова. А Штыков сел в галошу. Надо же было лезть с такими фактами и неразумными выводами — доводить дело до официального разбора?! Впрочем, пусть это будет ему наукой!

Посмотрев проект, М. А. Шамберг сказал, что я даю слишком суровую оценку недостаткам в массовой политической работе.

Он смягчил некоторые формулировки. Секретари ЦК Жданов, Маленков, Щербаков не внесли никаких поправок в наш проект, он так и вошёл в документы партии как решение ЦК ВКП(б) «О недостатках массово-политической работы среди населения районов КФССР, освобождённых от финской оккупации».

Конечно, недостатки в массовой работе были. Взрослые люди — женщины, старики, которые оставались в оккупации, составляли 3-4 процента населения. Дети до 10 лет составляли 1/3 населения, бывшего в оккупации, и едва ли можно было считать, что они были подвержены какой-то националистической пропаганде оккупантов.

Любой объективный человек скажет, что не-

достатки в массовой политической работе среди 30 тысяч женщин и стариков, как бы они ни были велики, не давали основания для постановки этого вопроса для специального обсуждения в ЦК КПСС. Тем более что шла война и было много других, более важных дел. Но, поднимая вопрос о карелах, Т. Ф. Штыков рассчитывал на другое: ему хотелось добиться более сурового осуждения всего карельского народа.

Я был бесконечно рад, что всё так удачно кончилось. Вопрос о приладожских районах удалось решить тоже довольно удачно. Я предложил передать в состав Ленинградской области города Выборг, Кексгольм и три сельских района — Выборгский, Кексгольмский и Яскинский. Остальные четыре района и город Сортавала оставить у нас, в составе Карело-Финской АССР. Со мной согласились, и в этом духе был составлен Указ Президиума Верховного Совета СССР, вскоре он был принят без изменений».

Закончилось заседание. Обстановка в кабинете Маленкова изменилась — все как-то повеселели, подобрели. Хотя Жданов сказал, что он так и не услышал от Куприянова внятного ответа, почему он распорядился в сельской местности выдавать хлеба по 600 граммов, когда в городах получают лишь 400. В сёлах вообще нигде хлеба не выдают. Куприянов хотел сказать свою точку зрения, что надо поддерживать село перед новым урожаем, но тут вступил в разговор Щербаков, ещё раз он посетовал на то, что Куприянов не должен был посылать записку в войска без его санкции. Затем неожиданно отвёл Куприянова в сторону, положил руку на плечо, шепнул:

— Вы, генерал-майор, здорово защищались и наголову разбили генерал-лейтенанта.

Подошёл Жданов со Штыковым, взял Куприянова под руку.

— Хватит спорить, помиритесь.

— Я готов пойти на мировую, — ответил Куприянов, — но, видимо, не получится. Не получится потому, что по такому поводу надо выпить, а Штыков ведь не пьёт.

— По такому случаю выпьет, — сказал весело Жданов. — Заставим.

Куприянов записал в тетради:

«Пошли обедать. Меня нарочито посадили за один стол со Штыковым. Пришлось вести

беседу. Штыков сказал, что ему поручено подготовить Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении из Ленинградской области финнов-ингерманландцев. Предполагалось в этот Указ включить и карелов из Карело-Финской республики. Но поскольку вопрос о выселении карелов отпал, то в Указе будет сказано лишь о финнах-ингерманландцах.

Это было для меня новостью. Я тогда попросил Штыкова разрешить ингерманландцам переезжать в Карелию. Штыков удивлённо посмотрел на меня.

— Зачем ты лезешь на рожон? Только отпал вопрос о выселении карелов, а ты хочешь засорить республику ещё более неблагонадёжным народом. Не понимаю тебя!

Я задержался на день в Москве и попытался поставить этот вопрос в ЦК партии. Заведующий орготделом Шамберг — умный человек, с ним легко разговаривать. И я доказал ему целесообразность переселения ингерманландцев именно в Карелию, где население очень уменьшилось за годы войны. Таким образом решился бы вопрос с рабочей силой, в лесу катастрофически не хватало людей. А финны-ингерманландцы — народ настойчивый, работающий. Они поедут к нам охотнее, чем в Вологодскую или Ярославскую области.

В августе 1944 года население республики составляло около 450 тысяч человек. Из них карелов, финнов, вепсов — 130 тысяч, или около 30 процентов. Если бы перевезти сюда 250 тысяч ленинградских финнов, тогда у нас было бы 700 тысяч человек. Ехать не так далеко, переселение займёт один-два месяца. Тогда процент населения коренной национальности не упал бы ниже 50 процентов.

Куусинен наотрез отказался поддержать это предложение. Не согласился, чтобы мы вместе пошли бы к Сталину по этому вопросу».

Вернувшись в Петрозаводск, Куприянов в тот же день собрал «сузик», рассказал о своём пребывании в Москве. Действия своего первого секретаря все дружно поддержали, говорили в его адрес самые добрые слова, даже восхищались крепостью духа и талантом полемиста. Куприянов понимал — они благодарят его ещё и за то, что останутся при нынешних должностях.

После «сузика» Геннадий Николаевич попро-

сил остаться Сюкияйнена, лучше всех разбирающегося в делах Финляндии. Поблагодарил его за активное участие в составлении записки и напрямик спросил, что он думает о том, почему Сталин принял решение не трогать карелов.

— Я тоже задаю себе этот вопрос, — ответил Иосиф Иванович. — Мои соображения таковы. Первое. Убедительная, толковая наша записка, составленная под вашим руководством. Второе. В Финляндии начался бы ропот, а возможно, и настоящий вой. Почему? Потому что у многих финнов есть карельские корни, родня в нынешней Карелии. Усилились бы антисоветские, антирусские настроения. Их пресса встала бы на дыбы. Финские газеты, за которыми я регулярно слежу, уже пишут о том, что большевики начнут мстить карелам, сотрудничавшим с финскими оккупационными властями.

— А я ещё думаю, что вой подняли бы Швеция и Норвегия, — сказал Куприянов. — К ним бы могли присоединиться Дания, может быть, Франция. Помнишь, как у неё уже был готов экспедиционный корпус добровольцев для отправки в Финляндию на помощь ей в Зимней войне?..

Сюкияйнен, помолчав немного, изрёк:

— Да, товарищ Сталин обладает глубокими аналитическими способностями.

— Кладезь ума, — добавил Куприянов.

Беда — это всегда плохо, а если эта беда приходит оттуда, где её не ожидаешь — это уже удар. 3 сентября второй секретарь Петрозаводского горкома партии Дильденкин потерял партийный билет. Где, когда, при каких обстоятельствах потерял — не помнил.

Это действительно был удар для Куприянова, ведь Николай Александрович был его заместителем по делам горкома, отлично работал в Беломорске, не жалел себя, отличался дружелюбием, весёлым характером, любил компании.

— Город недавно освобождён от врага, — горячо говорил Куприянов на экстренном заседании бюро ЦК партии республики. — От всех коммунистов требуется исключительно высокая дисциплина. А мы в ряде парторганизаций имеем факты беспечности и ротозейства. Утеря партийного билета секретарём горкома — явление недопустимое для партийного руководителя и является проявлением беспечнос-

ти. Бюро ЦК партии республики считает невозможным оставить Дильденкина на посту секретаря горкома. За такой поступок исключают из партии. Но, учтя заслуги товарища Дильденкина во время войны, а также то, что Николай Александрович является депутатом Верховного Совета СССР, мы оставим его в партии. Петрозаводскому горкому оформить выдачу нового партбилета взамен утерянного.

Предлагаю вторым секретарём Петрозаводского горкома рекомендовать товарища Андропова Юрия Владимировича, освободив его от работы секретаря ЦК ЛКСМ КФССР. Будем просить ЦК ВКП(б) утвердить настоящее наше решение.

...В сентябре во все районы были направлены лучшие пропагандисты республики. Они проводили беседы, лекции, доклады в свете решения ЦК ВКП(б) от 31 августа «О недостатках массово-политической работы среди населения районов КФССР, освобождённых от финской оккупации».

Люди на эти собрания шли не очень охотно, покорно слушали лекторов и вопросов почти не задавали.

...7 сентября в Москву прибыла финская делегация для переговоров об условиях перемирия. В её составе были: председатель Совета министров А. Хаксель, министр обороны Р. Валден, начальник Генерального штаба А. Хейнрикс, генерал-лейтенант О. Энкель.

Куприянов записал в своей тетради:

«Мне довелось принять участие в подготовительных работах. Сталин поручил Жданову и мне подготовить проект договора о перемирии.

Затем я как председатель республиканской комиссии по расследованию злодеяний и подсчёту убытков, нанесённых народному хозяйству КФССР войной и оккупацией финских войск, готовил цифры убытков. Они были представлены финской делегации позже, в ходе переговоров, и послужили отправным пунктом для определения суммы репараций.

Сталин и Жданов выслушали моё мнение о привлечении к ответственности финских военных преступников.

Тогда же возник вопрос, где их судить — в Хельсинки или в Петрозаводске. 19 сентября было под-

писано соглашение о перемирии с Финляндией. Согласно этому 21 сентября в 9 утра финские войска должны начать отход за линию государственной границы, установленной мартовским договором 1940 года. Подчёркивалось, что не позднее 3 октября вся территория СССР, занятая финскими войсками, должна быть полностью освобождена.

Финны добросовестно, согласно картам, разминировали свои минные поля, делали проходы в проволочных заграждениях. Мосты и постоянные линии связи передавались нашим войскам в полной сохранности. Там, где была заложена взрывчатка, её сразу же убрали.

Расстояние на всех направлениях между частями отходящих войск и нашими передовыми частями устанавливалось в 15 километров.

Все наши требования финны выполняли безоговорочно и быстро. Финское правительство выполнило наше требование об изгнании немецких войск на севере Карело-Финской ССР».

23 сентября 1944 года по представлению первого секретаря ЦК партии республики, члена Военного совета Карельского фронта Куприянова Юрий Владимирович Андропов за умелое руководство комсомолом в военные годы был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Дильденкина назначили председателем комитета по радиофикации и радиовещанию при Совнаркоме КФССР.

...Военные действия в Карелии завершились. Но оставались немецкие войска на Кольском полуострове. Штаб фронта перебравшись в Мурманск. Мерецков попросил Куприянова поехать в 14-ю армию Щербакова, проверить готовность войск к наступлению. Куприянов побывал на позициях, выступал перед красноармейцами, допрашивал немецких офицеров, два дня провёл в штабе армии.

По сообщению пленных и по данным разведки, за 3 года войны немцы построили много дотов и дзотов; дороги, по которым могли бы двинуться танки, перекрыли гранитными надолбами; подступы к укреплениям нашпигованы минами, мины были на дорогах, на обочинах; всюду установлены проволочные заграждения, в мощных укрытиях ждали своего часа грозные дальнбойные орудия.

«Лапландский вал», так немцы иногда называли свои укрепления, имеет глубокую оборо-

ну, он сможет выдержать любое наступление и даже нанести мощный контрудар.

Куприянов всё это доложил Мерецкову, подробно показал на карте контур немецкой обороны и в конце концов высказал своё решение: наступать не следует, нужно отрезать эту немецкую группировку от баз снабжения и изредка наносить удары с воздуха, долбить артиллерией большого калибра. Не идти напролом, сберечь свои войска. А четыре наших корпуса, танковую бригаду, другие части, готовые к броску, направить на Будапешт, Вену, Берлин.

Мерецков сначала удивился таким словам, потом высмеял Куприянова, сказав, что член Военного совета слабо разбирается в военном деле. Он, Мерецков, отмечает эти убаюкивающие суждения, похожие на шутку, и будет наступать, чего бы это ни стоило, чтобы раз и навсегда покончить с захватчиками.

После этого разговора Куприянов сразу позвонил в Москву в ЦК партии и попросил освободить его от обязанностей члена Военного совета фронта, так как военные действия на территории республики завершились и ему необходимо все силы отдать восстановлению народного хозяйства.

Мерецков опешил, услышав такой разговор.

— Три с половиной года вы были вместе с войсками. Остался месяц-два до окончания войны на Севере, зачем уходить? Занимайтесь мирными делами, я не против, но, конечно, фронт не забывайте.

— Не могу числиться и ничего не делать. Добивайте немцев любой ценой. Желаю успеха.

Куприянов уехал на вокзал. Мерецков послал к поезду адъютанта, и тот передал подарок — трофейный тяжёлый серебряный портсигар. На этот портсигар Геннадий Николаевич обратил внимание, увидев его однажды на столе у Мерецкова. Заинтересовала надпись по старой русской орфографии: «Лучше смерть, чем гибель Родины». Перехватив взгляд Куприянова, Кирилл Афанасьевич сказал, что портсигар разведчики отобрали у бывшего офицера белой армии, служившего нынче переводчиком у финнов.

В Петрозаводске Куприянова ждало огромное количество больших и малых дел. Одним из основных в календарном списке значилось проведение парада партизан. Это важное ме-

роприятие готовили Вершинин, Власов, Прокконен, Андропов. Провести парад наметили 8 октября в Петрозаводске.

Некоторые отряды вначале собрались в Сегеже, привели себя в порядок, вспомнили, как надо ходить строем, «давать ножку» при команде «Равнение направо!».

Отряды прибывали в Петрозаводск, их размещали в сохранившихся казармах военного городка, в общежитиях, школах. Многим выдали новую военную форму: командирам — кители и фуражки, рядовым — гимнастёрки, пилотки. Все получили добротные сапоги. Тех, кто приехал пораньше, сводили в гостеатр, там была подготовлена обширная выставка, отображающая борьбу партизан против немецко-финских захватчиков.

Командиров и комиссаров пригласили сфотографироваться у здания ЦК партии на площади Ленина, на гранитных старинных ступенях. В центре стали Куприянов и Вершинин. Подпольщиков тоже сфотографировали, но на природе. В середину группы сел Куприянов, а по обе стороны — Андропов и Власов.

7 октября состоялось собрание всех партизан, прибывших на парад. В докладе Куприянов назвал партизан гордостью народа. Об их наиболее удачных операциях 36 раз сообщало по радио Совинформбюро. Доклад был настолько обстоятельным, что после войны лёг в основу книги Куприянова «За линией фронта». На собрании огласили Указ о награждении Почётными грамотами Президиума Верховного Совета КФССР. Среди награжденных — Дмитрий Степанович Александров, Юрий Владимирович Андропов, Кирилл Васильевич Бондюк, Иван Владимирович Власов, Василий Афанасьевич Гонтаренко, Фаддей Фёдорович Журих, Николай Фёдорович Карахаев, Николай Григорьевич Червов...

В 10 утра 8 октября, в воскресенье, под гром духового оркестра партизанские отряды двинулись по проспекту Карла Маркса к площади Ленина. Горожане бросали им скромные букетики осенних хризантем.

Открывал шествие «Красный онежец» по праву первого отряда, созданного в Карелии. За ним шли отряды «Боевой клич», «Красный партизан», «Вперёд», отряд имени Чапаева и другие. В

таком же порядке они выстроились на площади Ленина. Все партизаны были в гимнастёрках, Куприянов — в только что пошитом кителе с золотистыми генеральскими погонами. Вершинин единственный шагал в длинной шинели. Это жителям казалось удивительным, как и чёрные кожаные перчатки Куприянова.

Вдвоём они обошли строй, поздоровались. Вершинин отдал рапорт Куприянову. Обращаясь к строю, Геннадий Николаевич прокричал:

— Поздравляю вас с победой над немецко-финскими захватчиками и очищением от врага территории Карело-Финской Советской Социалистической республики! От имени народа, от имени ЦК и правительства республики благодарю вас за ваши боевые дела!

Поднявшись на трибуну, Вершинин зачитал приказ, подводивший итоги борьбы партизан. Затем слово было предоставлено председателю Совнаркома КФССР Прокконену. Приветствуя партизан, он говорил о том, что подвиг их никогда не забудут потомки. Не забудут имена тех партизан и подпольщиков, кто отдал свои молодые жизни за честь и независимость Родины. Над площадью зазвучала траурная мелодия.

После парада партизанам и подпольщикам раздали газету «Ленинское знамя», ещё пахнущую типографской краской. Все её статьи, заметки и очерки были посвящены партизанам. На развороте бросался в глаза большой очерк Якова Ругоева «Фаддей Журих» с фотографией: на груди знаменитого командира отряда — два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды.

Но в газете была и горькая пилюля для Куприянова: статья, перепечатанная из «Правды» от 7 октября под заголовком «Массово-политическая работа в освобождённых районах».

«...Многие партийные организации умело и толково берутся за возрождение хозяйства, но, к сожалению, ещё медленно развёртывают массово-политическую и культурно-просветительскую работу среди населения освобождённых районов. Именно такое положение в районах Белоруссии, Смоленской области и, особенно, в Карело-Финской ССР».

Вторую горькую пилюлю пришлось проглотить тоже в этот памятный день. На торжественный обед в столовую Совнаркома пригласили командиров, комиссаров и наиболее отличив-

шихся партизан. Подвыпив, вспомнили хорошее и плохое. В адрес Вершинина прозвучали слова обиды за то, что тот посылал отряды, требуя от партизан невыполнимого. Во время перекура во дворе была попытка рукоприкладства, но охрана сумела укротить разгорячённых командиров, оттащить их от Вершинина. Хотели свести какие-то счёты и с Журихом, но, опять-таки, охрана не допустила потасовки.

Статью в «Правде», эксцесс на банкете тяжело пережил Куприянов. Он тревожился, что об этом случае кто-нибудь донесёт наверх. Первыми пришли утешить Прокконен и Андропов, они говорили, что дело не стоит выеденного яйца и в ЦК сейчас не до этого, но Куприянов-то знал, что сейчас к нему в Москве — особое внимание и всякое лыко будет непременно вставлено в строку.

12-13 октября в столице республики прошёл 10-й пленум ЦК партии. На нём шла речь о восстановлении промышленности, сельского хозяйства, об авангардной роли коммунистов в этих сложнейших делах.

13 октября «Ленинское знамя» напечатало письмо товарища Сталина секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову, в котором вождь благодарит народ республики за хороший урожай на полях.

...Огромные задачи стояли перед жителями Петрозаводска, перед городской парторганизацией. Восстановить заводы и фабрики, начать не только ремонтировать, но и строить жилые дома — необходимо дать кров семьям, возвращающимся из эвакуации.

На пленуме Петрозаводского горкома партии Куприянов внес предложение избрать секретарём горкома известного в республике, толкового, опытного руководителя молодёжи Юрия Владимировича Андропова. Это предложение приняли единогласно. А первым секретарём ЦК комсомола республики вскоре был избран Василий Иванович Голубев — инициативный, энергичный комсомольский работник погранвойск.

Добрые вести поступали с Севера. Наступление началось 7 октября. 15 октября наши войска овладели портом Линахамари и старинным русским городом Печенгой, который в 1920-м году отошёл к Финляндии и получил название

Петсамо. 25 октября Кириллу Афанасьевичу Мерецкову присвоили звание маршала.

Это сообщение Куприянов услышал в своём кабинете, где всегда было включено радио. В это время он беседовал с полковником Кузнецовым, сменившим Баскакова, переведённого в Горьковскую область. Кузнецов принёс список лиц, активно сотрудничавших с финнами: старосты, полицаи, канцеляристы, учителя.

Андрея Михайловича Кузнецова Куприянов знал с первых дней работы в Карелии, на него жаловался Матузенко и тормозил продвижение по службе. Баскаков ценил Кузнецова за то, что тот, работая в Карелии с 1932 года, знал всех и вся, был ходячим справочником у чекистов. В годы войны Баскаков сделал его своим заместителем. Кузнецов руководил контрразведкой по линии НКВД, часто встречался с Куприяновым. Его доклады всегда были правдивыми, чёткими, предложения — продуманными и вполне выполнимыми.

Кузнецов очень помогал Вершинину, и тот ходатайствовал перед Куприяновым о награждении Андрея Михайловича медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Кузнецов был чуть постарше Куприянова, не поддакивал, не старался угодить и не делал из себя важного начальника. Это ценил Геннадий Николаевич и ещё в тяжком 41-м предложил Андрею Михайловичу перейти на «ты», а такое предложение он делал немногим.

Услышав новость по радио о новом маршале, Кузнецов неожиданно для Куприянова изрёк, что теперь Мерецков скорее всего не будет побиваться и заискивать перед Мельниковым, начальником «Смерша» Карельского фронта.

— А ты это заискивание видел? — в упор спросил Куприянов.

— Мне лично Мельников говорил. Причём с гордостью говорил: «Мерецков слушается меня во всём. Всегда помнит, с кем имеет дело».

— Ну, а я это видел воочию, — сказал со вздохом Куприянов. — Неужели ваша служба может запугать человека навсегда?

— Может, может, Геннадий Николаевич. И не делай вид, будто ты не знаешь. Мы с тобой одним миром мазаны.

Геннадий Николаевич надулся, стал соображать, как бы позадиристее ответить. Но решил

прекратить разговор: каким-то чутьём, которое его никогда не подводило, он знал, что и Баскаков, и Кузнецов информировали и информируют своё начальство о делах в республике и, конечно же, о том, как живёт, воюет и работает член Военного совета фронта, первый секретарь ЦК партии республики. Такая уж у них служба.

...В октябре партизанские отряды были расформированы. Некоторых командиров, комиссаров, парторгов, комсоргов отрядов после курсов направили на партийную и хозяйственную работу, многие влились в ряды Красной Армии.

Разъезжались народные мстители и не знали, что веселый Маленков, забывший надолго заседание по высылке карелов, отклонил просьбу руководителей республики о награждении большой группы партизан и подпольщиков орденами и медалями.

В ноябре Куприянов позвонил в ЦК Шамбергу, объяснил суть дела по поводу наград, сказал, что хочет обратиться к Сталину, надеется на его давнее доброе отношение, на то, что вождь ведь внял записке, не разрешил высылку карелов, принял сторону Куприянова. Шамберг ответил уклончиво.

Обычно все серьёзные решения Куприянов принимал сам, но вдруг ему захотелось посоветоваться. Сначала он переговорил с Соляковым, затем с Альперовичем. Оба стали отговаривать, говорили в один голос о том, что это разгневал Маленкова. И всё же Геннадий Николаевич написал Сталину письмо. В нём упоминал, как трудно было воевать партизанам в Карелии, как они не щадили себя, соглашался, если это надо, сократить список, в котором значилось 550 человек, убрать из списка фамилии штабных работников, не принимавших участия в боях. Убедительно просил не отказывать в награждении карельских партизан.

Ответа из Кремля не последовало.

15 ноября перестал существовать и весь Карельский фронт, выполнивший свои стратегические задачи: он сдержал натиск неприятеля, стойко держал оборону на всём огромном протяжении, дружно перешёл в наступление и отбросил противника на прежнюю государственную границу. Тысячи красноармейцев, офицеров и генералов были награждены орденами и медаля-

ми. 145 храбрецов стали Героями Советского Союза, 12 — полными кавалерами ордена Славы.

В начале ноября Куприянов послал по железнодорожной спецсвязи в Мурманск Мерецкову три письма в одном большом конверте. Первое — дружеское поздравление по случаю присвоения маршальского звания, второе письмо — в наркомат обороны с предложением учредить медаль для воинов Карельского фронта, оборонявших Карелию, Заполярье и изгнавших захватчиков из родных мест. Третье такое же письмо он подготовил и в Президиум Верховного Совета СССР. Оно тоже было за двумя подписями, так как Мерецков и Куприянов состояли депутатами Верховного Совета страны, избранными ещё в 1940-м году. Оба письма в Москву Куприянов подписал, оставалось поставить свою подпись Мерецкову.

5 декабря по ходатайству народного комиссариата обороны СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За оборону Советского Заполярья».

Куприянов досадовал, а в окружении близких возмущался:

— Важнейшее слово пропущено! Надо было выбить на медали «За оборону Карелии и Заполярья», я как член Военного совета фронта бывал не один раз на Кольском полуострове и свидетельствую: здесь, у нас в Карелии, проходили основные оборонительные бои. Тяжёлые, кровавые сражения с огромными потерями.

...В октябре в Петрозаводске насчитывалось 17971 человек. Значительно уменьшилась городская партийная организация. Куприянов на очередном «сузике» обратился к соратникам с вопросом, следует ли иметь в городе три райкома, как до войны. Решили не восстанавливать Октябрьский, Зарецкий и Первомайский райкомы. Но в ноябре партийную работу приехала проверять бригада ЦК ВКП(б) под руководством Чертова. Этот факт они отметили как крупный недостаток. Куприянов доказывал: коммунистов мало, для райкомов нужны помещения, их нет, пришлось даже временно запретить въезд в город семей, возвращающихся из эвакуации. Райкомам надо будет около 50 партработников, кроме этого, надо выделить помещения и райисполкомам, укомплектовать штаты, дать жильё.

Комиссия трудилась основательно и нашла ещё ряд недостатков: неудовлетворительно работает банно-прачечный трест, имеются перебои с электроэнергией, которую подаёт энергопоезд, раздача вещей из американских подарков на предприятиях иногда проходит по кумовству, агитаторы редко проводят беседы на тему дружбы народов Советского Союза.

22 ноября 1944 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР». Отметив большую работу, проделанную трудящимися Карелии в текущем году, постановление констатировало множество упущений. ЦК компартии республики слабо руководит восстановлением народного хозяйства, не устраняет должным образом последствия оккупации, не придаёт важности укреплению партийных организаций в освобождённых районах. В партийных организациях, как и в самом ЦК партии республики, нет должной критики и самокритики, а есть самодовольство и благодушие. Имеются факты недостойного поведения отдельных руководящих работников. Слабо ведётся массово-политическая работа среди освобождённого населения, плохо идут дела в лесозаготовительной, деревообрабатывающей промышленности.

Для Куприянова, для всех секретарей ЦК, для членов бюро ЦК это был гром среди ясного неба. У многих возникал один и тот же вопрос — почему? Почему под такой тяжёлый пресс попала Карело-Финская республика? Некоторые кивали на Куприянова, но кивали осторожно, ибо знали его крутой нрав. Куприянов понимал: этот удар нацелен на него. Но кем? Штыковым? Ждановым? Щербаковым? Шамбергом? Маленковым?

По всему выходило, что эту проверку придумал Маленков, неудовлетворённый итогом заседания в августе. Он решил основательно встряхнуть Куприянова в ноябре, разумеется, с одобрения Сталина.

Это постановление подтолкнуло первого секретаря к усилению требовательности, к более жёсткому руководству.

Основательно подготовившись, 18-20 декабря провели пленум, на котором обсудили ноябрьское постановление ЦК ВКП(б) и наметили меры по устранению недостатков.

Речь Куприянова была резкой, хлёсткой. Все отметили, что раньше таких слов и такой интонации от него на собраниях не слышали. Пленум решил обсудить постановление ЦК во всех городских и районных партийных организациях, незамедлительно принять меры к устранению недостатков, отмеченных Москвой.

1944 год, который так хорошо начался, который принёс долгожданный мир на родную землю, заканчивался тягостным состоянием души, ночными мрачными мыслями, обидой на тех, кто должен был по-братски, по-отечески поблагодарить за муки и лишения военных лет, за беспорочную службу, подать крепкую руку помощи, подбодрить, вдохновить на титанический труд восстановления из пепла городов и деревень.

После этого пленума многие соратники Куприянова заметили странную перемену в первом секретаре — он перестал смотреть собеседнику в глаза.

□

Анатолий Алексеевич ГОРДИЕНКО

родился в 1932 году.

Более полувека живет в Карелии.

43 года работал на Государственном телевидении редактором.

Окончил Петрозаводский университет.

Автор десяти прозаических книг.

Член Союза писателей России, лауреат государственной премии Карелии в области литературы 2006 года за роман-хронику «Гибель дивизии». Заслуженный работник культуры России и Карелии,

Почетный член Межрегионального Союза писателей Северо-Запада России.

